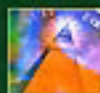

ДЖОВАННИ АРРИГИ
ДОЛГИЙ ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

ДЕНЬГИ, ВЛАСТЬ
И ИСТОКИ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Джованни Арриги

**Долгий двадцатый век. Деньги,
власть и истоки нашего времени**

«Территория будущего»

Арриги Д.

Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени /
Д. Арриги — «Территория будущего»,

У Вас в руках главная работа итальянского экономиста и исторического социолога Джованни Арриги. Чтение этого увесистого и не самого простого тома также займет время. Однако читать надо непременно. Сегодня исследования Арриги выглядят одной из самых обоснованных и продуктивных альтернатив как общепринятым мнениям насчет глобальных трендов, так и левой критике глобализации. Арриги предлагает аналитически необычную и в то же время панорамную интерпретацию капитализма как волнообразно достраивающейся системы контроля (а не производства и не обмена) над рыночными отношениями и политикой государств. В исторической перспективе у Арриги встают на места и обретают системный, связный смысл очень многие явления.

Содержание

Эволюция командных высот капитализма: Венеция – Амстердам– Лондон – Нью-Йорк	5
Предисловие и выражение признательности	20
Введение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джованни Арриги

Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени

Эволюция командных высот капитализма: Венеция – Амстердам– Лондон – Нью-Йорк

У Вас в руках главная работа итальянского экономиста и исторического социолога Джованни Арриги. Он писал ее пятнадцать лет, с 1979 по 1994 г., именно в период слома несущих структур двадцатого века. Чтение этого увесистого и не самого простого тома также займет время. Однако читать надо непременно.

Сегодня исследования Арриги выглядят одной из самых обоснованных и продуктивных альтернатив как общепринятым мнениям насчет глобальных трендов, так и левой критике глобализации. Арриги предлагает аналитически необычную и в то же время панорамную интерпретацию капитализма как волнообразно достраивающейся системы контроля (а не производства и не обмена) над рыночными отношениями и политикой государств. В исторической перспективе у Арриги встают на места и обретают системный, связный смысл очень многие явления. Что-то нам было давно известно и бездумно принималось за данность (Британия «владычица морей» и отчего-то еще и поборница свободы торговли, Америка изобрела транснациональные корпорации). Что-то мы припоминали лишь в качестве сноски в учебнике (кем были заказчики Микеланджело или почему два столетия спустя центр творческой энергии Запада перемещается из солнечной Италии на туманно-болотистую родину Рембрандта, Гюйгенса и Гуго Гроция). Где-то Арриги реконструирует совершенно утраченные взаимосвязи (какова роль Базельского банка взаимных расчетов, почему перед закатом каждой великой звезды на небосклоне капитализма возникают финансовые гиганты, и как это соотносится с тем фактом, что Христофор Колумб был именно генуэзцем).

Книга скажет сама за себя. Нам, авторам предисловия, предстоит лишь прояснить, кто такой Джованни Арриги, и откуда возникает его неожиданный историко-теоретический синтез на основе идей Йозефа Шумпетера, Антонио Грамши и, более всего, Фернана Броделя.

Когда в перестроечном 1986 году появился первый том знаменитой трилогии Фернана Броделя в прекрасном русском переводе Л. Е. Куббеля, славу интеллектуального бестселлера ей обеспечила, среди прочего, смелая аннотация, гласившая: «Классика современной немарксистской историографии».¹ Без сомнения, эта фраза стоила отдельной битвы Юрию Афанасьеву, в скором будущем одному из вождей демократической интеллигенции и основателю РГГУ. Перевод главного труда Броделя всячески тормозили в ЦК КПСС, вполне справедливо усматривая в нем опасный вызов официальному марксизму-ленинизму со стороны, как тогда выражались, мелкобуржуазного ревизионизма. Хотя, казалось бы, речь шла о чисто историческом исследовании мира в эпоху раннего Нового времени, отстоящей от нас на столетия. Однако охранители из ЦК верно почувствовали угрозу. Рядом с Броделем, предложившим потрясающе эрудированный и элегантный разбор исторического капитализма как способа *накопления* богатства и власти, Марксов анализ капитализма как способа фабричного *произ-*

¹ Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности*/Пер. Л. Е. Куббеля, под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1986.

водства кажется частным (т. е. ограниченно верным) случаем из западноевропейской практики XIX – начала XX вв.

Есть поучительная ирония в том, что с исчезновением социалистического лагеря и наступлением неолиберальной гегемонии 1990-х гг., броделевские исследования оказались сданы в запасники. В интеллектуальных запасниках тогда оказались и коммунист Грамши, и христианский социалист Поланьи, и даже пессимистичный австрийский консерватор Шумпетер. Все они казались излишними в новую эпоху полной и окончательной победы капитализма и наступления конца истории. Распад одной идеологической ортодоксии привел к бурной колонизации интеллектуального пространства ортодоксией противоположного знака.

В американской научно-дисциплинарной среде Броделя никогда не критиковали и не отвергали.² Его просто не замечали. В авторитетном 800-страничном «Путеводителе по экономической социологии» под редакцией Нила Смелзера и Ричарда Сведберга всего несколько упоминаний Броделя, большинство в связи с конкретными историческими фактами.³ В этом обобщающем труде, написанном коллективом из более сорока авторов, собственно идеи Фернана Броделя цитируются дважды: упомянут Броделев скептицизм относительно абстрактных моделей, и затем понятие мира-экономики возникает в перечислении прочих подходов к географии рынков. Даже термин «капитализм» упоминается только в связи с именами давно умерших немецких классиков: Маркса, Вебера, Зомбарта.

Дело не только в идеологической ситуации девяностых годов XX в. В своем критическом отклике на «Путеводитель по экономической социологии», Джованни Арриги указывает на причины эпистемологического порядка.⁴ В Америке у Броделя нашлось довольно мало читателей помимо историков. Американская социальная наука, во всяком случае, ее господствующий «мейнстрим», ориентирована одновременно на внеисторические инвариантные модели (которые считаются основной, если не единственной формой теории), а также на конкретные исследования явлений, берущихся многочисленными индивидуальными учеными почти неизменно на микроуровне и на кратких временных участках. При этом американская наука с жесткостью едва не ремесленной гильдии поделена на специальности, у каждой из которых есть свои классики, свои традиционные тематики, подходы, рабочий язык, свои журналы, конференции и, главное, контроль над рабочими местами на соответствующих отделениях университетов. Получение университетских позиций и публикации в наиболее престижных журналах контролируются профессиональным сообществом (реально его средним звеном) через регулярную практику взаимных анонимных отзывов и публикуемых рецензий, что призвано поддерживать уровень профессионализма. Установление нижнего порога отсекает графоманство и халтуру, однако данный механизм отбора также затрудняет появление необычных работ. Рутинно преобладает «профсоюзная идеология охраны ручного ремесленного труда» внутри

² Fernand Braudel (1902–1985) – знаменитый и в середине жизни исключительно влиятельный французский историк. В 1930-е гг. совместно с Люсьеном Февром (Lucien Febvre) и Марком Блоком (Marc Bloch) он основал инновационный научный журнал «Анналы: экономики, общества, цивилизации» (или просто *Annales E. S. C.*) Журнал и возникшая вокруг него одноименная Школа «Анналов» пропагандировали «целостную историю» (*histoire total*), где традиционная для историков работа с архивными источниками сочеталась с теоретическими элементами географии, экономики, антропологии, психологии, даже медицинской эпидемиологии. Комплексная программа изучения мира воплотилась в первой крупной работе Броделя «Средиземноморье в эпоху Филиппа II», которую он писал по памяти в немецком лагере для пленных французских офицеров в 1940–1945 гг. Марк Блок снабжал своего друга в плену передачами и письменными принадлежностями. В 1944 г. Блок, автор незавершенного и по сей день непревзойденного труда по истории феодализма, был расстрелян гестаповцами за свое еврейское происхождение и участие во французском Сопротивлении. Помимо многотомных монографий, ставших международными бестселлерами, Фернан Бродель с талантом и энергией успешного предпринимателя (а также политика, учитывая бюрократические традиции Франции) создавал новые учебные планы, исследовательские программы и центры, в частности, Дом наук о человеке в Париже. В конце жизни он становится «Бессмертным» академиком, заняв 15-е кресло за столом *Académie Frangaise*.

³ *The Handbook of Economic Sociology* / Eds. N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton University Press, 1994.

⁴ Arrighi G. Braudel, Capitalism, and the New Economic Sociology // *Review*. 2001, Vol. XXIV. No. 1. P. 107–123.

гильдии.⁵ Именно на эту внутривидовую идеологию указывает социолог Рэндалл Коллинз, задавшийся вопросом, почему в Америке оказалось так мало последователей и у Броделя, и у другого «мегаисторика», Вильяма МакНила.⁶

На фоне подобной структурной организации знания действительно неясно, куда, в какую дисциплину и к какому факультету отнести широту и органичную взаимосвязанность броделевских интересов, таких как формирование географической среды и народонаселения, длительное социальное время (*longue duree*), механизмы устойчивости и изменчивости социальных структур, соотношение нижнего этажа материального воспроизводства повседневной жизни с настежь открытым бельэтажем рыночных обменов и с куда менее доступным верхним этажом, где за плотно закрытыми дверями кабинетов осуществляется социальная власть над этим миром. Непонятно, что вообще делать с этими роскошными, ошеломляюще панорамными, никуда не вмещающимися томами именитого и столь парадоксального французского мэтра.

И все-таки, политика. Как быть с неортодоксальной концепцией «Материальной цивилизации и капитализма», особенно со вторым томом броделевской трилогии, посвященным описанию вездесущих, шумных и спонтанных рынков?⁷ С высоты своего знания реальной истории мира Бродель как будто иронизирует над догматикой последователей как Маркса, так и Адама Смита или Макса Вебера. У Броделя рынки – самостоятельная и центральная категория социальной жизни. Он наслаждается ярмарочным шумом и жизненной энергетикой. И при этом в броделевском историческом анализе рынки *противопоставляются* закрытой, непроницаемой, элитарной сфере капитализма. Как же так? Капитализм не равняется рационализации и духу протестантизма? Капитализм не равняется либеральной демократии? Капитализм не равняется индустриальному производству и эксплуатации наемного труда? Капитализм – не рыночная экономика?! И вообще не экономика, а «антирынок» (как выражается сам Бродель), способ властвования, предполагающий регулярно возобновляемое строительство монопольных ограничений на путях предпринимательской рыночной стихии? Ересь какая-то! Или ревизионизм.

Самого Фернана Броделя еще можно заподозрить в мелкобуржуазном отношении к рынкам, в типично французской «якобинской» солидарности с трудовыми лавочниками, ремесленниками и крестьянами, и одновременно в закоренелой подозрительности к негоциантам и банкирам. Бродель происходил из потомственных крестьян Вердена. Его воспитывала бабушка в деревне, где столетие назад Бродель еще застал традиционный уклад сельской жизни. Он, несомненно, был патриотом Франции и пожалуй даже французским народником. Но обвинять Джованни Арриги в мелкобуржуазности будет совсем нелепо. Бывает, ученые происходят и из семей самой что ни есть высшей буржуазии. Например, Людвиг Витгенштейн, сын металлур-

⁵ Collins R. The mega-historians // *Sociological Theory*. 1985. Vol. 3. No. 1. Spring.

⁶ William H. McNeill (p. 1917). Американский историк шотландско-канадского происхождения. Продолжатель традиции Арнольда Тойнби в цивилизационно-диффузной интерпретации мировой истории. Обладая поразительной интуицией и воображением и имея возможность работать с массой конкретно-исторических исследований, созданных лишь с наступлением массовой науки после 1945 г., МакНил значительно превзошел Тойнби. За исключением службы в разведке на Балканах в период войны, практически всю профессиональную карьеру провел в престижном Университете Чикаго, избирался президентом Американской исторической ассоциации. Сразу после его ухода на пенсию в 1989 г., созданные МакНилом курсы по мировой истории убрали из программы. Среди историков почитается живым (хотя из совершенно другой эпохи) классиком. Продолжает писать эссе и рецензии для высокоинтеллектуального «Нью Йорк ревью оф букс». Однако почти перестал упоминаться в профессиональных журналах, где сейчас господствуют микроисследования и постмодернистское сомнение в «тотальных нарративах». Главные труды: «Восхождение Запада» (*The rise of the West*. University of Chicago Press, 1963; русский перевод: МакНил. Восхождение Запада. Киев; Москва, 2004), «Эпидемии и народы» (*Plagues and peoples*. NY: Anchor, 1976) и «В погоне за могуществом» (*The pursuit of power*. University of Chicago Press, 1982). Последняя книга оказала большое влияние на Арриги.

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988.

гического короля Австро-Венгрии, или Джованни Арриги – сын, внук, правнук швейцарских банкиров и миланских коммерсантов. Если в случае философа Витгенштейна семейное состояние особой роли не играло, то для понимания работ Арриги очень важны и его социальное происхождение, и последующая биография.

О себе Джованни Арриги говорит полушутливо, что всю жизнь он изучает, в сущности, своего отца, что панорамный взгляд на мир как организационную систему лучше всего приобретается на периферии, особенно в Африке, и что ему потребовалось затем очутиться в Америке, чтобы понять свою родную Италию в перспективе мира.

Родился автор данной книги в 1937 г. в Милане, который остальные итальянцы, как известно, считают уже почти немецким городом по его правильности и чопорному духу. Миланская буржуазия всегда была самой передовой и одновременно самой национальной в Италии. К примеру, отец Арриги сознательно начал собирать современное итальянское искусство, когда все собраты по классу коллекционировали, конечно, знакомый по школьным учебникам Ренессанс. Во время войны семья Арриги заняла антифашистские позиции, а дядя даже ушел вместе со своими рабочими в партизаны. Позднее дядя стал еще и крупным торговым партнером советского Внешторга. Возвращаясь из Москвы, он рассказывал за обеденным столом, что СССР по его мнению мало отличается от Бразилии – громадная полуразвитая, полубедная страна с полудисциплинированной рабочей силой, где мощная, но только полурациональная бюрократия руководит гигантскими престижными стройками. Самый подходящий партнер для итальянского капитала! Так по рассказам дяди молодой Джованни познакомился с реалиями полупериферии и авторитарного развития.

Поездка в Африку подвернулась случайно. Защитив в 1960 г., в возрасте 23 лет, диссертацию по экономике, Джованни решил попутешествовать и заодно уклониться от армии. Англичане как раз на закате своей колониальной империи стали в массовом порядке открывать университеты в тропиках, надеясь вырастить собственные нацкадры. Молодому Арриги на выбор предложили преподавать в Сингапуре или Родезии. Сегодня покажется едва не иронией, что в начале 1960-х Сингапур выглядел запущенным, хаотичным и перенаселенным городком на азиатских задворках колониальной империи. Британская Родезия (ныне Зимбабве) с десятками тысяч фермеров-колонистов, с аккуратными плантациями, сафари-парками и лужайками для гольфа выглядела куда цивилизованней. Но, как бывает с интеллектуалами из привилегированных семейств, к комфорту и деньгам Джованни был совершенно равнодушен. В Родезию он попал просто потому, что туда ехал кто-то из знакомых. Молодой итальянец еще не знал, что Родезия стояла на пороге затяжной, многосторонней гражданской войны.

В самолете Арриги прочел небольшую и в те годы очень популярную книжку Поля Барана «Политическая экономия роста».⁸ Аргументация Барана открыла перед Арриги дотоле ему совершенно неизвестные подходы к анализу экономических проблем, прежде всего, причин бедности и отсталости в не-европейских странах. Преподавание в Университете Федерации

⁸ Поль Баран родился в 1910 г. в Николаеве на Украине, в интеллигентской политизированной семье. Его отец был врачом и в период революции 1905 г. состоял в партии меньшевиков. Во время Гражданской войны семья бежала в Германию. Поль получил классическое образование в Дрездене и Берлине, которое он продолжил в МГУ после возвращения в 1926 г. Из СССР он окончательно уехал в 1934 г. После скитаний по Европе времен Депрессии, Баран оказался в США, и в 1941 г. сумел, наконец, завершить образование на экономическом отделении Гарварда. Там он учился у Шумпетера, Самуэльсона, Гэлбрейта и подружился с сыном банкира Полом Суизи, который после стажировки в Лондонской школе экономики стал первым марксистским (но не коммунистическим) экономистом в Гарварде. Во время Второй мировой войны Баран, как и Суизи, служил в американской разведке экспертом по индустриальному потенциалу Германии и Японии. С 1949 г. и до своей смерти в 1964 г. Поль Баран преподавал экономику в Стэнфорде, где пользовался колоссальной популярностью у студентов. Помимо свободного владения несколькими языками, незаурядной биографии и тонкого (хотя порой язвительного) чувства юмора, Поль Баран привлекал к себе необычно широким видением поля экономической мысли и регулярным соотношением теории с политической практикой. Его основная книга «Политическая экономия роста» (Baran P. *The political economy of growth*. New York: Monthly Review Press, 1957) стала интеллектуальным бестселлером и была переведена на восемь языков. Особенно сильно идеи Барана повлияли на экономистов Латинской Америки.

Родезии и Ньясенда ставило теоретические дебаты на совершенно конкретную основу. К тому же отделение экономики оказалось самым живым, молодым и интернациональным по составу преподавателей, особенно в сравнении с традиционными антропологами британской колониальной школы, которые видели основную задачу исследования Африки в описании туземных племен.

На рубеже 1950-60-х гг. за влияние в странах, как тогда стали выражаться, третьего мира соперничали две мощные идеологические школы – американская теория модернизации и международный марксизм-ленинизм, который мог опираться на реальные в тот период политические и экономические успехи не только СССР, но также Югославии, Китая, Кубы. Двуполярное противостояние всегда создает мощное притяжение к тому или другому полюсу, особенно когда за интеллектуальными позициями высются сверхдержавы. Однако, несмотря на левые симпатии западной интеллектуальной молодежи того времени (а это было время Че Гевары), Арриги все же не стал марксистом. Сказывалось буржуазное происхождение, но вовсе не в смысле классовых предубеждений (к которым Джованни относится с усмешкой). Арриги, которого воспитывали как наследника семейного дела, слишком хорошо знал повседневную механику бизнеса, насколько нелегко создавать и удерживать контроль над рынками и рабочей силой. Теория модернизации – абстрактная, нематериальная и очищенная от некрасивостей политического и экономического принуждения – с точки зрения Арриги плохо согласовывалась с реальными процессами создания современных экономик и государственных аппаратов.

В колониальной Родезии все это происходило совсем недавно, с 1890-х по 1940-е гг. В Африке можно было наглядно проследить, как полицейские и налоговые меры британской администрации целенаправленно принуждали африканцев выходить на рынок труда и вырабатывать на продажу местные продовольственные культуры, как при этом систематически понижалась стоимость рабочей силы и доходность в «традиционном» крестьянском хозяйстве, и одновременно как белым колонистам выделялись лучшие земельные угодья и обеспечивался рынок экспортной сельхозпродукции. Подобные реалии выглядели куда грубее и убедительнее, чем постулируемое теорией модернизации движение от традиционного уклада к современности. Но при этом Арриги не мог избавиться от впечатления, что советская коллективизация крестьянства решала очень сходные задачи ничуть не более гуманными средствами. (Хотя и в Родезии восставшие племена расстреливали из пулеметов.)

За годы преподавания в Родезии Арриги много ездил по стране, копался в архивах колониальных ведомств сельского хозяйства, налогообложения, планирования, спорил с коллегами и с африканскими студентами. Это были годы формирующего опыта и самообразования. Там же Арриги открыл для себя других экономистов и политологов: Оскара Ланге, Карла Поланьи, Франца Нойманна, но более всего Михаля Калецкого⁹.

⁹ Oskar Lange (1904–1965) – польский экономист, чья биография резко делится на два этапа. В 1933-1945 гг. он работал в США, с 1938 г. профессором экономики Чикагского университета (но на другом этаже, чем собственно «Чикагская школа» ортодоксальных рыночников). В 1945 г. Оскар Ланге с энтузиазмом принял просоветское правительство Польши и порвал с лондонским правительством в изгнании. Уже в 1944 г. он служил личным связным между президентом Рузвельтом и Сталиным по поводу послевоенного будущего Польши. В коммунистической Польской Народной Республике Ланге занимал видные посты: посол при ООН, директор Центральной школы планирования и статистики в Варшаве, видный академик. В 1953 г. Ланге написал панегирик Сталину как великому экономисту, чем подорвал свою научную репутацию. Но и позднее Ланге не раскался, повторяя, что с молодости был и навсегда остался убежденным социалистом, не выносящим польских националистов (что весьма неудивительно – сам Ланге был сыном еврейского торговца текстилем). Оскар Ланге создал теорию социалистической рыночной экономики, в которой Центральное Плановое Управление назначает цены методом «проб и ошибок». Он доказывал, что такая экономика с «имитируемым рынком» будет более эффективна, чем настоящий рынок. Karl Polanyi (1886–1964) – австро-венгерский экономист, основатель «сущностного» (субстанционального) подхода, рассматривающего экономику в неразрывной связи с общественной средой и культурой, как в современном мире, так и в древности. Также автор эссе о христианской этике и гуманистическом социализме. Поланьи до последнего времени едва признавался экономистами, однако с конца 1960-х гг. стал культовой фигурой среди антропологов и исторических социологов. Поланьи остался автором единственной книги – *Великая трансформация* (1944, русский перевод 2002), в которой блестяще анализирует изменения европейского общества XIX в. под воздействием либерализации рынков и как эта эра прогресса канула в ката-

Родезийский период закончился для Арриги в 1966 г. арестом. В ноябре партия белых поселенцев во главе с Яном Смитом, видя, что британская администрация готовится к уходу и передаче власти африканским националистам, устроила мятеж и в одностороннем порядке объявила о независимости Родезии по модели откровенно расистского режима апартеида (раздельного существования рас) в соседней ЮАР. Арриги арестовали заодно с группой преподавателей и студентов университета за организацию демонстрации. Конкретное обвинение было необоснованным, но Арриги действительно имел контакты с партизанами ЗАПУ. К счастью, родезийская полиция поняла это слишком поздно. После десяти дней в тюрьме и ноты из Лондона и Рима, Арриги выслали в Танзанию. Преподавателям из коренных африканцев повезло куда меньше. Некоторые из них провели в заключении следующие 15 лет.

Столица Танзании Дар-эс-Салам в те годы служила Меккой молодых радикальных интеллектуалов. Немаловажно, что в конце 1960-х Танзания была относительно дешевой и комфортной страной с динамичной экономикой и приятно-интеллигентным президентом Джулиусом Ньерере, переводившим Шекспира на суахили. Долговой кризис и структурная деградация наступили только десятилетие спустя, после 1979 г. В более поздних статьях Арриги рассматривает эту дату как наступление Великой Депрессии третьего мира, вызванной резким монетаристским разворотом США, который направил в Америку инвестиционные капиталы и тем самым, при внезапном исчезновении дешевого кредита, в массовом порядке обрушил и без того перенапряженные платежные балансы развивающихся стран. Однако признаки неблагополучия уже в конце 1960-х гг. были различимы в росте коррупции и в противоречиях правительственного курса, провозглашавшего цели догоняющего развития и африканского социализма, но на деле субсидировавшего потребление новых средних слоев города за счет деревни. Арриги оказался в новой для себя роли критика левого романтизма среди своих коллег, которые страстно желали видеть надежду в танзанийском эксперименте. Негативные моменты они с готовностью списывали на колониальное наследие и «империализм».

В Дар-эс-Саламе Арриги пишет свои первые самостоятельные работы по политической экономии Африки и критику бездумно-риторического использования гобсоновского термина «империализм». Эти работы принесли Арриги известность, и, более того, оказались пророческими.¹⁰ Проект африканского социализма обернулся провалом, а слова «империя» и

строфе 1914 г. Критики неолиберализма 1990-х (особенно Нобелевский лауреат и раскаявшийся главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц) нашли в труде Полани мрачное и мощное предупреждение современной эпохе глобализации. В недавних статьях Джованни Арриги критикует Стиглица, Боба Бреннера и др. за политическое нежелание видеть в анализе Полани не только параллели, но и отличия глобализации Викторианской эпохи от совершенно другого геополитического контекста наших дней. Franz L. Neumann (1900–1954) – немецкий юрист и политолог, в молодости социал-демократ, идейно и лично близок к Франкфуртской школе (многолетний друг Герберта Маркузе). Во время войны служил старшим аналитиком американской разведки (ОСС) и Госдепартамента. Подозревается в том, что из политического принципа делился аналитическими материалами с советской разведкой. Одна из ключевых фигур в подготовке обвинения на Нюрнбергском процессе над руководством нацистов. Настаивал, что политически правильнее будет передать дело в германский суд и использовать конституционные законы Веймарской республики, которые формально не отменялись. Впоследствии профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке и один из основателей Свободного университета Берлина. Погиб в автокатастрофе. Главная работа Нойманна – *Бегемот: структура и принципы национал-социализма* (1942), остается классическим анализом личных мотиваций и государство-разрушающей динамики гитлеровского режима. Michal Kalecki (1899–1970) – польский экономист, выдвинувший в начале 1930-х гг., на фоне Депрессии, теорию деловых циклов и регуляции рынков. Идеи Калецкого близки теории Дж. М. Кейнса, притом опубликованы раньше и, как считают историки науки, шли дальше идей Кейнса. Но Калецкий публиковался по-польски. В итоге теория получила название кейнсианской. Только в начале 1990-х гг. Кембридж издал семитомное собрание сочинений Калецкого на английском. Впрочем, Калецкому повезло в жизни. Во время немецкой оккупации Польши он работал в Англии, а в самые мрачные годы сталинизма служил экспертом ООН, консультировал правительства Мексики, Индии и Израиля. Вернувшись в Польшу только в 1954 г., Калецкий стал академиком и спокойно работал в Варшаве, периодически сетуя, что правительство не следовало его советам. Михаль Калецкий считается самым оригинальным социалистическим экономистом XX века. Эпитет «левый Кейнс» скорее даже преуменьшает значение Калецкого, который, как правило, превосходил Кейнса в учете социальных и политических последствий экономических решений. Как и Кейнс, Калецкий показал, что рынок не может обеспечить устойчивого равновесия при полной занятости, так что для достижения такого равновесия нужна специальная государственная политика регулирования спроса.

¹⁰ Arrighi G., Saul J. *Essays on the Political Economy of Africa*. New York: Monthly Review Press, 1973; Arrighi G. *La Geometria*

«империализм» уже в наши дни вдруг пережили возрождение. Стоит отметить, что и в конце шестидесятых, и сегодня одним из противников Арриги выступает Антонио Негри, эстетский ультралевый философ с наклонностями провокатора.

Мир конца шестидесятых был удивительно непохож на наши дни. Эмоциональная энергия хлестала через край! Вернувшись в Италию в 1969 г., Арриги попадает в разгар «горячей осени». Италия служила для Западной Европы примерно тем же, чем Польша в советском лагере. Все еще полукрестьянская страна с мощной католической церковью и многочисленной, шумной интеллигенцией, восходящей в большинстве к мелкому дворянству недавнего прошлого. Как и Польша, Италия не сразу отреагировала на демонстрационный эффект выступлений 1968 г. соответственно в Праге и Париже. Зато потом случилось подлинное землетрясение. Толчки не затихали еще двадцать лет, пока в обеих странах практически одновременно не рухнули партийно-политические структуры, построенные после 1945 г. Хроническая нестабильность, помимо того, что стала самовоспроизводящейся чертой национальной жизни, подпитывалась социальным напряжением в промышленном и в аграрном секторах. Трудно ожидать стабильности в странах, которые с одной стороны граничат с наиболее развитой зоной Европы, а с другой стороны уходят куда-то в третий мир. Добавьте сюда слабость государственной власти и силу католической иерархии, которой приходилось реагировать на брожение среди паствы и деморализацию властей. Кстати, Арриги, будучи поклонником Калецкого, на редкость остро видел параллели между капиталистической Италией и коммунистической Польшей. По тем временам подобные сопоставления выглядели ересью для большинства как правых, так и левых, поэтому Арриги должно было доставаться со всех сторон. Притом, надо сказать, он совершенно не любитель полемик и потасовок. Склонный скорее к образу жизни научного схимника и щедрого на идеи наставника, Арриги приемлет лишь минимальные житейские радости: кино, оперу и приготовление ризотто по праздникам. Все-таки *Italiano vero*.¹¹

После пары лет в гуще событий, Арриги занимает должность профессора социологии в Университете Калабрии и уезжает в южноиталийское захолустье. Конечно, социология в Калабрии выводит на проблематику организованной преступности и мафиозного общества. Используя свой опыт исторической реконструкции политэкономии африканских стран, Арриги исследует периферийную Калабрию совместно с молодыми сотрудниками Фортунатой Пизелли и Пино Арлакки (последний вскоре делает головокружительную карьеру, став сенатором Итальянской республики и затем главой Комиссии ООН по международной оргпреступности).¹²

Тогда же Арриги прорабатывает «Тюремные тетради» Антонио Грамши.¹³ Для западных университетских радикалов поколения 1968 г. Грамши стал культовой фигурой, поскольку в отличие от большинства теоретиков марксизма, он разрабатывал радикальную культурологию, теорию гуманистической политики вместо диктатуры пролетариата и пытался с постгегелевских марксистских позиций объяснить феномен интеллигенции. В 1970-е гг. Компартия Италии официально провозглашает Грамши – явно в пике сталинизму – провозвестником

dell'Imperialismo: i limiti del paradigma hobsoniano. Milano: Feltrinelli, 1978 (английский и испанский переводы также 1978).

¹¹ Подлинный итальянец.

¹² Arrighi G., Piselli F. *La Calabria dall'Unità ad Oggi. Parentela, Clientela e Comunità*. Tori no: Einaudi, 1985. Английский вариант этого важнейшего текста по традиционно мафиозной среде: Arrighi G., Piselli F. *Capitalist Development in Hostile Environments: Feuds, Class Struggles, and Migrations in a Peripheral region of Southern Italy // Review*. 1987. Vol. X. No. 4, Ту же длинную статью см. в сборнике Inga Brandell (ed.) *Workers in Third World Industrialization*. London: Macmillan 1991.

¹³ Antonio Gramsci (1891–1937) – литературный критик и публицист, один из основателей и лидер компартии Италии, член парламента. Арестован фашистским правительством Муссолини в 1926 г. Мучительно болев в тюрьме, за одиннадцать лет заключения Грамши исписал около трех тысяч листков и просто клочков бумаги, которые были спасены Татьяной Шухт, сестрой его русской жены. Сведенные в один том и опубликованные в конце 1950-х гг., эти отрывочные заметки составили знаменитые *Quaderni del Carcere* – «Тюремные тетради».

политической стратегии Еврокоммунизма. Именно поэтому, несмотря на ореол марксистского мученика, Грамши официально замалчивался в СССР, и в то же время именами интеллектуально незагруженных Тельмана или Тольятти назывались советские улицы и города.

Грамши относится к той плеяде теоретиков Второго и Третьего интернационалов (Каутский, Роза Люксембург или Троцкий, в период 1905 г., между прочим, оказавший влияние на теорию государства Макса Вебера), которые могли войти в канон социальной науки, если бы занимали академические, а не партийные позиции. Параллельно Грамши, но в либеральной веберианской традиции, двигалась работа австро-венгерского социолога Карла Мангейма. Сегодня надо признать, что теоретическое наследие Грамши (равно как и Мангейма) переоценивалось энтузиастами гуманизации социального знания. Грамши не оставил сколько-нибудь целостной теории о соотношении культуры, интеллектуального производства и власти, тем более операционализуемой в конкретных исследованиях. (Поколением позднее в этом направлении гораздо дальше Грамши и Мангейма продвинулся Пьер Бурдьё.) Тем не менее Грамши остается ключевой фигурой в интеллектуальной истории XX в. благодаря самой постановке проблем и наброскам решений на грани интуитивного озарения.

Сегодня наиболее продуктивными идеями Грамши видятся фордизм и гегемония. Оба в разной степени используются Арриги. Задолго до теорий массовых коммуникаций или общества потребления и намного внятнее футурологических построений американской социологии 1950-х гг., Грамши выявил связь между экономикой конвейерного производства, корпоративной организацией бизнеса, массовой представительской политикой и культурным комплексом растущего массового потребления. Символом этого комплекса стал автомобиль Форда. Грамши эскизно обозначил, как мог бы выглядеть синтез политэкономического анализа, социологии производства, потребления, равно как семьи и образования, плюс культурологии современных городских сообществ. Это направление еще предстоит развивать, преодолевая предрассудки различных социальных дисциплин. Сам Грамши, будучи марксистом, меньше всего заботился о том, к какому факультету отнести свой подход.

Для Арриги, как станет ясно из книги, наиболее полезной концепцией Грамши оказалась гегемония. Чтобы не пересказывать книгу, скажем лишь кратко, что в грамшианском употреблении гегемония вовсе не синоним господства. Это господство плюс согласие подчиниться. Ситуация гегемонии возникает, когда значительная часть общества принимает порядок вещей потому что:

- данный порядок представляется общим благом (скажем, движение в сторону прогресса или оборона от общей опасности);
- обществу предложен весьма комфортный материальный компромисс (как в западных демократиях всеобщего благоденствия после 1945 г. или в порядке консервативной «доктрины Брежнева» после 1968 г.);
- существующему порядку попросту не видно никакой реальной альтернативы. (Возьмите пример позднесоветского общества накануне краха гегемонии, выразительно схваченный в заголовке монографии антрополога из Университета Калифорнии в Бёркли Алексея Юрчака – «Все было навеки, пока не кончилось»¹⁴).

В реальной жизни, как всегда, аналитически обозначенные условия встречаются не отдельно, а в исторически изменчивых комбинациях. Гегемонии строятся, поддерживаются, деградируют, разрушаются. Власть не вещь, а хронически противоречивый процесс.

Чтобы написать эту книгу, Арриги видоизменил идею гегемонии в двух направлениях. Во-первых, он переносит ее на межгосударственный уровень. Вместо класса-гегемона у

¹⁴ Yurchak A. *Everything was forever, until it was no more: the last Soviet generation*. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Арриги мы видим державы-гегемоны. Они возникают, какое-то время правят своим миром, трансформируют мир и, более не в состоянии контролировать результаты собственных инновационных действий, постепенно сходят на вторые роли. Обратите внимание, что речь не идет о нациях или цивилизациях. Государства рассматриваются строго как территориальные *организации*, которые в зависимости от историко-геополитического контекста принимали совершенно различные формы: капиталистические города-государства подобно Венеции прошлого или Сингапуру сегодня, прото-национальные союзы коммерческих городов в Нидерландах или Дубае и прочих эмиратах, действительно национальная Англия, но одновременно обладающая Британской империей, или не-национальная континентальная поселенческая демократия США.

Вторая концептуальная модификация логически вытекает из исторической цикличности гегемонии. Арриги синтезирует анализ Грамши с теорией делового цикла Шумпетера¹⁵. Это может показаться неожиданным, но лишь с идеологической точки зрения. Грамши погиб коммунистом, в то время как австрияк Шумпетер бравировал едва не монархическими идеалами.

Мысль Шумпетера, который был продолжателем немецкой исторической традиции, замечательно социологична, и тем отличается от способа построения теорий в господствующей парадигме неоклассической экономики. У Шумпетера есть четко обозначенные агенты действия (изобретательные предприниматели), целеполагание и довольно азартные ценности (погоня за особой прибылью первопроходцев), структурные условия и ресурсная база (кредитные учреждения), социальное время (фазы цикла), а также препятствующие условия и историческая тенденция (все более успешное стремление общества защититься от периодических бедствий «разрушительного созидания», вызываемых деятельностью предпринимателей, из чего вытекает политический пессимизм Шумпетера по поводу будущего капитализма). Наконец, Шумпетер, при жизни которого социализм выглядел непосредственной альтернативой существующему строю, был одним из действительно серьезных критиков марксизма, добросовестно искавшим бреши в марксовой теории капитализма. Находя такие бреши и предлагая свои решения проблем, он совершенствовал исторический анализ капитализма, а с какими уж политическими целями, оказалось делом второстепенным. Так что нет особой иронии в том, что идеи самого Шумпетера, близко знавшего Макса Вебера и всю жизнь спорившего с марксистами, в перспективе социального анализа оказались дальнейшей эволюцией линий, восходящих как к марксистскому, так и веберовскому варианту анализа капитализма. Скажем, именно у Шумпетера Поль Баран, Андре Гундер Франк и другие радикальные критики отсталости взяли различие простого роста и качественного развития экономики. Это одна из основных идей Шумпетера, которую он иллюстрировал знаменитым саркастическим пред-

¹⁵ Joseph Alois Schumpeter (1883–1950) – австрийский экономист, не вписывающийся в обычные определения. Например, несмотря на идейные и дружеские связи, не относится к так наз. Австрийской экономической школе (Фон Хаек, Людвиг фон Мизес и пр.) После эмиграции в США в 1932 г. Шумпетер возглавил Отделение экономики в Гарварде, где был зачастую не любим студентами и коллегами из-за сильного, если не нарочитого немецкого акцента, гусарской заносчивости (хвалился, что знает толк в лошадях и женщинах), аристократического консерватизма и снисходительного отношения к эмпиризму англо-американской мысли (в чем его с готовностью поддерживал другой гарвардский профессор из эмигрантов – социолог Питирим Сорокин). Однако Шумпетера боготворили аспиранты и младшие коллеги, среди которых столь разные, как кейнсианцы Самуэльсон и Гэлбрейт, леволиберал Хейлбронер или «независимый социалист» Суизи. Шумпетер занимает двусмысленное положение в каноне американской экономики: имя присутствует, но в учебниках и тем более в профессиональных журналах его идеи едва ли сыскать. Помимо широты и нарративного характера изложения, проблема в том, что модели Шумпетера имеют нелинейный характер, исторически и социологически контекстуализованы, и оттого плохо формализуются на престижном среди экономистов математическом языке. (При этом Шумпетер был основателем и президентом Американского общества эконометрики.) Подобно другому известному экономисту, уроженному норвежцу Торстейну Веблену, Шумпетер оказался более востребован макроисторическими социологами, а также политическими теоретиками демократии. Наряду с Карлом Полаanyi (с которым Шумпетер враждовал при жизни), считается у социологов классиком переходного межвоенного поколения. В Европе Шумпетер пользуется статусом классика более по культурным причинам: высокий интеллектуальный стиль, характерная амбивалентность в отношении роли государства и идеалов социализма плюс региональная гордость перед лицом Америки.

ложением: «Составьте хоть сотню дилижансов, все равно железнодорожного состава у вас не получится».

У Маркса и большинства его последователей капитализм имеет линейную историческую тенденцию. Механизмы изменчивости и внутрисистемных кризисов в марксизме едва обозначены.¹⁶ Не говоря о том, что Маркс, несмотря на все его проницательные отступления в черновиках, все же рассматривает капитализм на удивительно ограниченном участке времени и пространства, фактически лишь в Англии первой половины XIX в.

Обратите внимание, насколько арригиевский синтез на основе идеи гегемонии Грамши и делового цикла Шумпетера отличается от большинства даже самых критических анализов капиталистической власти. И у Мишеля Фуко, и у Жака Деррида, и у Пьера Бурдьё, отчасти даже у Иммануила Валлерстайна (о чем ниже) эволюция современных форм власти имеет линейно-поступательный, а то и начинает приобретать подавляюще-незыблемый характер. Гораздо меньше эти знаменитые авторы могут сказать о том, насколько трудна задача властвования и как конкретно эта задача решалась в изменчивых исторических конфигурациях. Арриги при помощи Грамши, Шумпетера и Броделя удалось теоретически отразить центральную динамику современной миросистемы.

Переход Арриги на новый уровень обобщения непосредственно связан с началом его сотрудничества с Иммануилом Валлерстайном, основателем школы миросистемного анализа. В 1979 г. Арриги переезжает в Америку и присоединяется к основанному Валлерстайном Центру Фернана Броделя при Университете штата Нью-Йорк в Бингемтоне. В течение восьмидесятых годов Арриги много писал в соавторстве с Валлерстайном и Теренсом Хопкинсом¹⁷ на самые разнообразные темы, от теоретического разбора веберовской категории статусной группы до социальных причин распада Советского блока (главный тезис выражен в календарном заголовке их статьи: «1989 год как продолжение 1968 года»).

В 1970-е гг. мир вступает в период турбулентности. Начинается ломка компромиссных политико-экономических структур, которые создавались в качестве реакции на Великую депрессию, мировые войны, а также революции и деколонизации середины XX в. Эти структуры – государства всеобщего благоденствия на Западе, зрелые коммунистические диктатуры на полупериферии и государства национального развития в третьем мире вплоть до конца 1970-х гг. обеспечивали социальный мир и материальное благополучие. Уровни варьировались в различных зонах миросистемы, однако достижения выглядели впечатляюще в сравнении с предшествующими эпохами. Теперь, с наступлением кризиса, пришло и резкое изменение политического климата.

Вокруг бингемтонской школы миросистемного анализа возникает своеобразный теоретический квартет, более шутливо называвшийся «Бандой четырех» (по отзвуку китайского разоблачительного процесса над вдовой Мао бывшей актрисой Цзянь Цынь и ее поделщиками). Помимо Арриги и Валлерстайна в квартет вошли радикальные экономисты Андре Гундер Франк и Самир Амин¹⁹. Вместе они написали две компактные книжки, пользовавшиеся в

¹⁶ Это вполне соответствовало ранним эволюционным представлениям о прогрессе. Дарвин, к примеру, ничего не знал о генетических механизмах наследственности и мутациях. Интересно отметить, что именно в то время, когда Шумпетер взялся поправить Маркса, другой немецкий эмигрант на другом отделении Гарварда – биолог Эрнст Майр (Ernst Mayr) – закладывал основы неodarвинистского синтеза.

¹⁷ Terence K. Hopkins (1929–1997) – американский социолог, со студенческих лет близкий друг Иммануила Валлерстайна. В 1950-е гг. в Колумбийском университете Хопкинс в качестве аспиранта и затем молодого преподавателя работал с Карлом Поланьи, Райтом Миллсом и Маргарет Мид, считался восходящей звездой нового поколения теории модернизации. Он же был первым, кто в шестидесятые годы восстал против старшего поколения. Одним из результатов стало появление миросистемного анализа. Хотя Хопкинс сравнительно немного публиковался, он был важнейшим соавтором Валлерстайна, который проговаривал с Хопкинсом основные идеи, прежде чем изложить их на бумаге.

¹⁸ Arrighi G., Hopkins T. K., Wallerstein I. Rethinking the concept of class and statusgroup in a world-system perspective // *Review*. 1983. Vol. VI. No. 3; Arrighi G., Hopkins T. K., Wallerstein I. 1989, the Continuation of 1968 // *Review*. 1992. Vol. XV. No. 2.

¹⁹ Andre Gunder Frank (1929–2005) – сын берлинского литературного публициста и пацифиста, бежавшего от нацистов

те годы немалым успехом и переведенные на десяток основных языков мира.²⁰ Первая книга давала системный и историко-циклический анализ грянувшего в семидесятые годы кризиса, вторая критически оценивала итоги политики антисистемных движений в XX в. и предлагала варианты будущих стратегий.

В начале 1920-х гг. пути «Банды четырех» расходятся. Неизменно галантный Валлерстайн говорил об этом так: «С Гундером я обычно соглашался на 80 % и не соглашался на 20 %. В последние годы эта доля несогласия возросла.» Арриги говорил прямее: «Гундер доводил меня до кипения. Если он что-то изобретал, то непременно доводил идею до абсурда. Но идеи у Гундера бывали настолько важны, что с ними надо было работать.» Арриги имел в виду последнюю книгу Франка с выразительным названием «РеОриент» – в смысле призыва перевернуть, реориентировать всю евроцентричную картину мировой истории, признав, что Восток, а точнее Китай, всегда был и опять будет центром мира.²¹ В исполнении Гундера вместо евроцентричной истории получилась китаеццентричная. Именно это и предполагал поправить Арриги – карту мира надо не вертеть, а последовательно, теоретически выверенно расширять. В итоге может получиться совершенно непривычная картина, возможно, куда аналитически интересней и продуктивнее как существующей ортодоксии, так и ее радикального отрицания.

В Бингемтоне неизбежно витала мысль, что громадное историческое предприятие Фернана Броделя надо каким-то образом продолжать и выводить на анализ современного мира. Но как? Шедевр тем и шедевр, что невоспроизводим. Подражание будет выглядеть нелепо. Метод Броделя можно охарактеризовать как эрудированное рассуждение об устройстве мира. Для большинства историков, чьи профессиональные интересы ограничиваются отдельными странами и периодами, у Броделя и так слишком много обобщений. В то же время с точки зрения социальной науки, Бродель видится вечно ускользающим, как горизонт. Высказав массу захватывающих воображение наблюдений и замечаний, Бродель неизменно останавливался на пороге теоретического обобщения – и принимался за другую, не менее интересную тему, о которой у него тоже всегда было заготовлено незаурядное суждение. Очевидно, Фернан Бро-

вначале в Швейцарию и затем в США. В итоге, как шутил сам Гундер, он «свободно путался в семи языках», на которых говорил с удивительными акцентами всех семи одновременно, а также жил примерно в тридцати странах мира, не задерживаясь нигде более чем на несколько лет. Прозвище «Гундер» Франк получил в американской школе из-за пристрастия к бегу на длинные дистанции и внешнего сходства с известным в те годы скандинавским спортсменом, который также был долговым блондином. В 1957 г. Гундер Франк защитил в Университете Чикаго диссертацию по экономике, замечательную двумя фактами – темой была «Колхозная организация производства на Украине», а научным руководителем – впоследствии знаменитый монетарист Милтон Фридман. Гундер был известен крайне упрямым и бескомпромиссным характером, что во многом объясняет, почему ему не удавалось нигде осесть. Поездка в Киев в 1960 г. едва не обернулась большими неприятностями, когда Гундер взялся доказывать неэффективность колхозов (о голодной смерти миллионов крестьян тогда еще не говорили). Даже с Кубы, куда его пригласил Че Гевара (в качестве министра финансов в революционном правительстве), Гундера в конце концов выслали по указанию Фиделя Кастро. В 1967–1973 гг. он нашел приют у Сальвадора Альенде в Чили, где разрабатывал свою известную теорию зависимости – довольно грубый, но доходчивый вариант критики теории модернизации, впоследствии намного более эффективно использованный Валлерстайном при построении его собственной миросистемной теории. Однако концептуализация центра-периферии остается основным изобретением Франка. Samir Amin (p. 1931) – сын египтянина и француженки (оба родителя – врачи при управлении Суэцкого канала), сформировался в левоинтеллигентских кругах Парижа. Впоследствии обосновался в Сенегале по приглашению президента Леопольда Седара Сенгора, поэта и политического теоретика «негритюда», а также элитного африканского парижанина. Самир Амин – автор множества некогда очень популярных книг и статей по экономическим и политическим проблемам третьего мира, написанных в полемически-публицистическом стиле и на виртуозном французском языке. (Также регулярно выступает на арабском и английском). Считается, что Амин давно бы получил Нобелевскую премию по экономике, если бы не был таким крайне левым. Подобно многим видным интеллигентам Франции, Амин с горячим энтузиазмом обнаруживал воплощение своих радикальных чаяний в маоистском Китае и даже в полпотовской Кампучии. Экономическая теория Амина выводит бедность третьего мира из неравного обмена, который метрополии навязали колониям. Следовательно, предписывает Амин, народам периферии надо захватывать власть и собственность (как Насер в его родном Египте национализировал Суэцкий канал), после чего закрывать границы и добиваться развития в автаркической изоляции.

²⁰ Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein I. *Dynamics of global crisis*. New York: Monthly Review Press, 1982; Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein I. *Transforming the revolution: Social movements and the world system*. New York: Monthly Review Press, 1990.

²¹ Frank A. G. *ReOrient: global economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press, 1998.

дель не хотел стеснить свое энциклопедическое повествование, в котором как на грандиозном волшебном гобелене должна была отразиться целостность людского мира. Но принципиально не желая избрать аналитический вектор, Бродель оставил в наследие недостижимый пример, который держится на его знаниях и мудрости. Неудержимая избыточность Броделя оказалась большой проблемой для его наследников повсюду, начиная с самой Франции.

После Броделя оставалось только сузить и сфокусировать аналитическую картинку. Но по какому параметру? На какой теоретический вектор нанизывать повествование? Сам Валлерстайн с его экстраординарной трудоспособностью, эрудицией, панорамным видением мира, и, не последнее качество, легким пером, на многие годы затянул написание своего главного труда – «Современной миросистемы».²² Остается ждать, когда Валлерстайн выпустит четвертый и, как он обещает, пятый том, который выведет его аналитическое повествование в наши дни и ближайшее будущее.

С выходом в свет в 1994 г. «Долгого двадцатого века» пути Арриги и Валлерстайна расходятся. К тому времени стало окончательно ясно, что политические ожидания общемирового поколения шестидесятников потерпели крах. Вместе со структурами XX века рухнули и структурные условия организованной оппозиции. Нет примера нагляднее идейной, социальной и чисто бытовой трансформации интеллигенций и образованных специалистов (т. е. бывших «новых средних классов» 1960-х гг.) в странах бывшего советского блока, хотя между 1985 и 1995 гг. есть много других, еще более травматичных примеров деструктуризации.

Видя резкое понижение научного интереса к проблематике макроисторических трансформаций, Валлерстайн придумывает для себя двойную стратегию, определившую направление его работ после 1990 г. Во-первых, вместо бесполезных призывов к профессиональной академической среде, надо системно анализировать само строение современного знания с момента его оформления в начале XIX в. Это теперь хорошо известные работы Валлерстайна по эпистемологии. Во-вторых, Валлерстайн решил применить на практике известное замечание шведского экономиста Гуннара Мюрдала о том, что изменения в социальной науке (Мюрдаль имел в виду в первую очередь, конечно, экономику) не возникают из теоретических открытий, а всегда диктуются изменением фокуса политического внимания. Значит вместо лобовой атаки на англо-американский «мейнстрим» социальных наук надо завоевывать популярность у более широкой читающей публики. Валлерстайн, обладающий исключительным статусом в мировой науке и одновременно мировой известностью и талантом интеллектуального публициста, начинает регулярно выступать с альтернативными комментариями по поводу текущих событий, которые всегда основаны на его теориях и являются формой самопопуляризации. Преимущественно эти работы и переводились на русский в последние годы.

Арриги, напротив, все более удаляется от политической злободневности и начинает уже в зрелом возрасте создавать фундаментальную теорию, которая тем не менее обещает стать прорывом в нынешних дебатах о глобальных тенденциях. Буржуазное и притом итальянское происхождение опять сыграло важную роль, помогая Арриги разглядеть с позиций его необычного опыта нечто важное.

В 1996 г. на ежегодном съезде Американской социологической ассоциации Арриги выступил с докладом «О трех не-дебатах семидесятых годов».²³ Это было вполне дружеское, но тем не менее размежевание с Валлерстайном. Как известно, Валлерстайн никогда не вступает в полемику. Его принцип – четко заявить свою позицию и предоставить другим судить о преимуществах разных подходов. Арриги считает, что существует серьезная критика, которая ставит

²² Wallerstein I. *The modern world-system: Vol. 1. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. Vol. 2. Mercantilism and the consolidation of the European world-economy, 1600–1750. Vol. 3. The second era of great expansion of the capitalist world-economy, 1730–1840s.* New York, Academic Press, 1974, 1982, 1989.

²³ Выступление впоследствии опубликовано в виде статьи в журнале «Ревью» Центра им. Фернана Броделя. См. Arrighi G. *Capitalism and the modern world-system: rethinking the non-debates of the 1970s // Review.* 1998. Vol. XXI. No. 1.

вопросы, требующие серьезного же ответа. После выхода в свет в 1974 г. первого тома валлерстайновской «Современной миросистемы», немедленно сделавшегося интеллектуальным бестселлером, на волне научного энтузиазма тех лет Валлерстайну было высказано три претензии.

Во-первых, Теда Скочпол, известность которой принесло сравнительное исследование социальных революций и формирования современных государств, подвергла Валлерстайна критике с неовеберовских позиций за отсутствие должной концептуализации автономной роли государственной власти и межгосударственных войн в становлении современного мира²⁴. Иначе скочполовская критика называется дискуссией о двойственной логике или коэволюции современности, где экономика капитализма и рост государственности рассматриваются как две отдельные, хотя и взаимосвязанные логики развития. На это, считает Арриги, лучший ответ дал сам Макс Вебер, считавший главным условием выживания современного капитализма соперничество между государствами за привлечение мобильного капитала, прежде всего для капиталистического финансирования своих войн. Вопрос, таким образом, скорее о методологических предпочтениях исследователей анализировать развитие политической власти отдельно от власти капиталистической или стремиться увидеть взаимосвязь двух главных видов власти нашей эпохи. Однако самый сильный ответ на критику Скочпол, вероятно сам того не подозревая, дал историк Вильям МакНил в своей «Погоне за могуществом»²⁵. Его мало интересовали теоретические дебаты социологов. МакНил руководствовался своей интуицией историка, шаг за шагом реконструируя тысячелетний ход европейских инноваций в военной области, от арбалета до пулемета, от феодальных дружин к регулярным армиям. В труде МакНила содержится масса данных, подтверждающих тезис Макса Вебера о постоянной конкуренции раздробленных европейских государств за мобильный капитал, витающий в поисках наиболее выгодного применения где-то между государствами, в космополитическом пространстве финансовых потоков. Миросистемный анализ таким образом нисколько не страдает от неовеберовской критики. Напротив, считает Арриги, Вебер и МакНил помогают прояснить одно из главных условий выживания капитализма в конкуренции с территориальной властью государств. Что Арриги и показывает в своей собственной книге.

С другой стороны, историк-марксист Роберт Бреннер обвинил Валлерстайна в сбрасывании со счетов классовой борьбы внутри европейских стран на заре Нового времени. Только так, утверждал Бреннер, можно было все свести к безличной структурной эволюции атлантических рынков. К чести Бреннера, он не просто высказал типично марксистскую критику, но и предложил элегантное контробъяснение. Капитализм, по Бреннеру, возникает из патовой ситуации в вооруженном противостоянии крестьян и дворян, типичной для позднего Средневековья. Там, где крестьяне в конце концов победили и значительно понизили феодальные ренты, если не освободились совсем (это случай Франции после Жакерии, считает Бреннер), феодалам оставалось только объединяться вокруг абсолютистской монархии и создавать сильное централизованное государство, чтобы восстановить свои привилегии и уровень изъятий ренты у аграрного населения. Напротив, победа помещиков над крестьянами, как в германских и славянских землях к востоку от р. Эльбы, привела к консервации феодализма, и в долгосрочном плане к слабым государствам и технологической отсталости. Капиталистическая динамика, утверждал Бреннер, возникла только в Англии из ничейного исхода борьбы между йоменами и джентри. В результате обоим классам для поддержания себя пришлось рационализировать свою экономическую деятельность и политику, превращаясь в капиталистических предпринимателей²⁶.

²⁴ Skocpol T. Wallerstein's world capitalist system: a theoretical and historical critique // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. No. 5.

²⁵ McNeill W. *The pursuit of power*. University of Chicago Press, 1982.

²⁶ Дискуссия по «теории Бреннера», в которой Валлерстайн не принял участия, велась на страницах британского журнала *Past & Present* и была опубликована отдельным томом: *The Brenner debate: agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe* / Eds. T. H. Aston and C. H. E. Philpin. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Конечно, аналогичные эндогенные объяснения английского капитализма и возникновения современной рыночной динамики составляют центральную теорию не только марксизма, но и академической экономики – достаточно сослаться на известную работу Нобелевского лауреата Дугласа Норта²⁷. Фактически Бреннер предложил марксистский вариант теории модернизации, где культурные и институциональные факторы получили дополнительное классовое объяснение. Арриги считает, что ответ на подобную критику достаточно прост – капиталистические города-государства Италии эпохи Ренессанса, как позднее Нидерландов, очевидно, не вписываются в схемы аграрной классовой борьбы, что прекрасно понимал и Фернан Бродель.

Наконец, Арриги подводит нас к самому трудному для Валлерстайна противопоставлению его схемы генезиса капитализма описанию Фернана Броделя. На поверхности, это выглядит как типичный спор о датировках – возникает ли капитализм в XVI в., как утверждает Валлерстайн, или гораздо раньше, в Италии эпохи Ренессанса, как считают Бродель и Арриги. Разрешить спор невозможно без модели возникновения капитализма. У Валлерстайна такой модели нет. Здесь Теда Скочпол все же обнаружила подлинное упущение. Валлерстайн очень умело и убедительно объясняет, как действует и развивается капитализм, когда система уже возникла и одна структура подкрепляет другую. Но почему вообще капитализму удалось выжить и закрепиться именно в Европе? Почему капитализм остановился в Китае, Индии и в исламских странах Ближнего Востока, где историки при внимательном изучении обнаруживают поразительно сильные подвижки в этом направлении?

Вопрос отнюдь не схоластический! Не имея четкого объяснения возникновения капитализма, нельзя ответить на два следующих вопроса: почему Запад покорил Восток (а не наоборот), и каково будущее капитализма? Без четкого объяснения исторического возникновения капитализма, сегодня при прогнозировании его дальнейшей траектории Валлерстайн вынужден ссылаться на принципиальную непредсказуемость хаоса в системах, достигших асимптот своего нормального функционирования. Арриги согласен, что в 1970-е гг. мир вступил в эпоху хаотической турбулентности. Однако он берется делать прогнозы на основе изучения прошлых волн гегемонии, через которые создавалась современная миросистема. Впрочем, это будет уже следующая книга Джованни Арриги.

В середине 1990-х Арриги начинает создавать собственное направление миросистемного анализа, отличное от валлерстайновского. Он перешел в Университет Джонс-Хопкинса, где теперь возглавляет социологическое отделение и, совместно со своей женой Беверли Силвер²⁸, создает собственную школу мировой политэкономии. Вот в таком, собственно, контексте и появилась книга, которую вам предстоит прочесть.

Это итог многолетней эволюции взглядов Арриги и его сотрудничества / соревнования с Валлерстайном. Однако это не окончательный итог работы Арриги и тем более не исчерпывающее объяснение современной истории. Предоставим Арриги самому объяснить, как у его книги оказалось одно из самых обманчивых названий в истории науки. Даже если дело тут не только в итальянском патриотизме, капиталистическое происхождение Ренессанса есть вызов не только Валлерстайну (но не Броделю!), но и самой Италии. Можете вообразить, какой резонанс имела работа Арриги на его родине, где титанов Возрождения традиционно принято числить по разряду национальной и всемирной духовности (чему тут удивляться?), а никак не дизайна интерьеров вилл и церквей, которые заказывали тогдашние «новые итальянские» олигархи.

²⁷ North D. C., Thomas R. P. *The rise of the Western world; a new economic history*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

²⁸ Beverly Silver, автор также броделевского по размаху, эрудиции и трудности исполнения исследования всевозможных рабочих движений и протестов во всем мире за последние 130 лет. Американская социологическая ассоциация признала этот труд лучшей монографией года. См. *Forces of labor: workers' movements and globalization since 1870*. New York: Cambridge University Press, 2003.

И еще два замечания в заключение. Арриги закончил «Долгий двадцатый век» предсказанием Америке наступления «Золотой осени финансов». Рукопись была сдана в издательство в тот момент, когда на УоллСтрит едва начинался колоссальный бум времен Билла Клинтона, «новой экономики» и всеобщей глобализации. В тех школах бизнеса, где одолели «Долгий двадцатый век», многие тогда задумались (кое-где в США, но гораздо более в романской части Европы, Латинской Америке и особенно в Японии и Китае). Однако Арриги сам предупреждал, что «Долгий двадцатый век» был призван прояснять, но не предсказывать. В год его публикации, в 1994 г., еще слишком многое оставалось неясным. Арриги признает в недавних статьях и выступлениях, что переоценивал рациональность американского правящего класса и потому совершенно не предвидел поворота Америки к столь авантюристическому варианту военного империализма, который произошел в президентство Буша-младшего.

Многое прояснилось за десятилетие после выхода в свет «Долгого двадцатого века». У этой книги есть продолжение, ожидающее своего перевода на русский. О прогнозе Арриги на XXI век можно догадаться из заголовка: «Адам Смит в Пекине». Но прежде чем оценивать перспективы Пекина как наследника коммерческой славы Венеции, Амстердама, Лондона и Нью-Йорка, надо разобраться с предшествующими волнами, которые создавали, разрушали и вновь переделывали современный мир.

Георгий Дерлугьян, Университет Нортвестерн, Чикаго

Кеван Харрис, Университет Джонс-Хопкинса, Балтимор

Предисловие и выражение признательности

Эта книга была начата почти пятнадцать лет тому назад как исследование мирового экономического кризиса 1970-х годов. Этот кризис считался третьим и заключительным моментом единого исторического процесса, определяемого возникновением, полным развитием и гибелью американской системы накопления капитала в мировом масштабе. Двумя другими моментами были Великая депрессия 1873–1896 годов и тридцатилетний кризис 1914–1945 годов. Эти три момента вместе взятые определяли долгий двадцатый век как особую эпоху, или этап, развития капиталистической мировой экономики.

В соответствии с первоначальным замыслом книги долгий двадцатый век был ее единственной темой. Безусловно, я с самого начала создавал, что подъем американской системы можно было понять только в связи с упадком британской. Но я не ощущал ни необходимости, ни желания двигаться в прошлое дальше второй половины XIX века.

За прошедшие годы мои представления изменились, и книга превратилась в исследование того, что получило название «двух взаимозависимых основных процессов эпохи [Нового времени]: создания системы национальных государств и формирования всемирной капиталистической системы» (Tilly 1984: 147). Такой смене взглядов способствовало само развитие мирового экономического кризиса 1980-х годов. С наступлением рейгановской эпохи «финансиализация» капитала, которая была одной из черт мирового экономического кризиса 1970-х, стала основной особенностью этого кризиса. Как и восьмьюдесятью годами ранее во время упадка британской системы, наблюдатели и ученые вновь начали объявлять «финансовый капитал» последней и высшей стадией мирового капитализма.

И в этой интеллектуальной атмосфере я нашел во втором и третьем томах трилогии Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» интерпретативную схему, которая легла в основу этой книги. В этой интерпретативной схеме финансовый капитал не является особой стадией развития мирового капитализма, не говоря уже о том, чтобы быть его последней и высшей стадией. Скорее он представляет собой повторяющееся явление, которым отмечена капиталистическая эпоха с самого своего начала в Европе позднего Средневековья и раннего Нового времени. На всем протяжении капиталистической эпохи финансовые экспансии свидетельствовали о переходе от одного режима накопления в мировом масштабе к другому. Они являются составляющими нынешнего разрушения «старых» режимов и одновременного создания «новых».

В свете этого открытия я выделил в долгом двадцатом веке три этапа: 1) финансовая экспансия конца XIX – начала XX века, в ходе которой были разрушены структуры «старого» британского режима и созданы структуры «нового» американского; 2) материальная экспансия 1950-1960-х годов, в течение которой господство «нового» американского режима переросло в международную экспансию торговли и производства; и 3) нынешняя финансовая экспансия, в ходе которой происходит разрушение структур ставшего теперь «старым» американского режима и, возможно, создание структур «нового» режима. И – что еще более важно – в интерпретативной схеме, которую я заимствовал у Броделя, долгий двадцатый век теперь казался последним из четырех схожим образом структурированных долгих веков, каждый из которых составлял отдельный этап в развитии современной капиталистической мировой системы. Мне стало ясно, что сравнительный анализ этих сменяющих друг друга долгих столетий позволяет понять динамику и вероятный будущий исход нынешнего кризиса лучше, чем глубокий анализ одного только долгого двадцатого века.

Такое помещение исследования в намного более продолжительные временные рамки привело к сокращению пространства, отведенного для рассмотрения собственно долгого двадцатого века, примерно до трети книги. Тем не менее я решил сохранить первоначальное

название книги, чтобы подчеркнуть исключительно инструментальный характер моих экскурсов в прошлое. То есть единственной целью реконструкции финансовых экспансий предшествующих столетий было углубление нашего понимания нынешней финансовой экспансии как заключительного момента отдельной стадии развития капиталистической мировой системы – стадии, включающей долгий двадцатый век.

Эти экскурсии в прошлое завели меня на зыбкую почву всемирно-исторического анализа. Комментируя вдохновлявший меня *opus magnum* Броделя, Чарльз Тилли мудро предостерегал о подстерегающих нас здесь опасностях.

Если бы последовательность была навязчивой идеей мелких умов, то Броделю не составило труда избежать этого искушения. Когда Бродель не мучит нас нашими требованиями последовательности, он демонстрирует... нерешительность. На протяжении второго тома «Материальной цивилизации.» он постоянно обращается к отношениям между капиталистами и государственными деятелями и постоянно уходит от этой темы. Широта проблем, рассматриваемых в третьем томе, вызывает удивление. Основные темы первого тома – численность населения, пища, одежда, технологии – оказываются почти забытыми. Нужно ли ожидать чего-то иного от человека броделевского склада? Он подходит к проблеме, перечисляя ее составляющие; наслаждаясь ее иронией, противоречиями и трудностями; рассматривая теории, выдвигавшиеся различными учеными, и воздавая должное каждой из них. Но сумма всех этих теорий – увы! – не образует единой теории. Если Броделю не удалось совершить переворот, то кто сможет? Возможно, кто-то другой напишет «тотальную историю», которая объяснит все развитие капитализма и развертывание системы европейских государств. По крайней мере сейчас нам лучше считать гигантское эссе Броделя источником вдохновения, а не моделью анализа. Но без помощи Броделя такое огромное и сложное судно пойдет на дно раньше, чем достигнет далекого берега (Tilly 1984: 70–71, 73–74).

Тилли советует нам использовать более податливые единицы анализа, нежели целые миросистемы. Более податливыми единицами, предлагаемыми им, являются компоненты отдельных мировых систем, наподобие сетей принуждения, сосредоточенных в государствах, и сетей обмена, связанных с региональными способами производства. Систематически сравнивая такие компоненты, мы сможем «перейти от описания особых структур и процессов в отдельных мировых системах к исторически обоснованным обобщениям относительно этих миросистем» (Tilly 1984: 63, 74).

В этой книге я искал другой выход из трудностей, связанных с объяснением полного развития мирового капитализма и современной межгосударственной системы. Вместо того чтобы прыгнуть с броделевского корабля всемирно-исторического анализа, я остался на нем, дабы сделать то, что склад ума капитана не позволил сделать ему самому, но что было в пределах досягаемости моего слабого зрения и нетвердых ног. Я позволил Броделю вести меня в открытое море всемирно-исторических фактов и избрал для себя более скромную задачу перевода множества предложенных им догадок и толкований в экономическое, последовательное и убедительное объяснение возникновения и полной экспансии капиталистической миросистемы.

Так случилось, что броделевская идея финансовых экспансий как заключительных стадий важных капиталистических событий позволила мне разложить весь жизненный цикл капиталистической мировой системы (*longue duree* Броделя) на более податливые единицы анализа, которые я назвал системными циклами накопления. Хотя я назвал эти циклы в честь отдельных составляющих системы (Генуя, Голландия, Британия и Соединенные Штаты), они имеют

отношение ко всей системе в целом, а не к ее отдельным составляющим. В этой книге сравниваются структуры и процессы капиталистической мировой системы в целом на различных этапах ее развития. Мы сосредоточили внимание на стратегиях и структурах генуэзских, голландских, британских и американских правительственных и деловых органов только потому, что они играли определяющую роль при формировании этих этапов. Это, конечно, очень ограниченный подход. Как я объясняю во Введении, системные циклы накопления – это процессы «командных высот» капиталистической мировой экономики или «капитализма у себя дома», по Броделю. Благодаря такому сужению угла обзора я смог придать броделевскому описанию развития мирового капитализма некоторую логическую последовательность и дополнительную историческую протяженность – два столетия, которые отделяют нас от 1800 года, на котором Бродель завершил свой путь. Но сужение угла обзора неизбежно ведет и к большим потерям. Классовая борьба и поляризация мировой экономики в центре и на периферии, игравшие заметную роль в моей первоначальной концепции долгого двадцатого века, почти полностью выпали из картины.

Многие читатели будут озадачены или даже потрясены этими и другими упущениями. На это я могу сказать только, что конструкция, предложенная здесь, является всего лишь одним из многих, имеющих право на существование, хотя и не обязательно одинаково обоснованных, описаний долгого двадцатого века. В другом месте я предложил интерпретацию долгого двадцатого века, основное внимание в которой уделено классовой борьбе и отношениям центра и периферии (см.: Arrighi 1990b). По завершении книги у меня появилось много новых мыслей, которые мне хотелось бы *добавить* к этой более ранней интерпретации, но очень мало вещей, которые мне хотелось бы *изменить*.

Насколько я могу утверждать, описание по-прежнему зависит от угла зрения. Но описание, предложенное в этой книге, как свидетельствует подзаголовок, больше подходит для понимания отношений между деньгами и властью в создании нашего времени.

Чтобы привести мою более бедную версию броделевского корабля к далеким берегам конца двадцатого века, мне пришлось воздержаться от дебатов и полемики, бушевавшей на островах специализированного знания, которые я посещал и на которые я совершал набеги. Как и Арно Мейер (Mayer 1981: x), «я открыто признаюсь в том, что я являюсь горячим “объединителем” и строителем, а не алчным “раскольников и разрушителем”». И, как и он, все, о чем я прошу, – это «спокойно выслушать» и «принять и оценить» книгу в целом, а не только по частям».

Идея, что я должен написать книгу о долгом двадцатом веке, пришла в голову не мне, а Перри Андерсону. После горячего обсуждения одной из нескольких больших статей, написанных мной об экономическом кризисе 1970-х годов, он убедил меня в 1981 году, что только полноценная книга позволит мне достичь намеченных целей. Затем он внимательно следил за моим странствием через века, постоянно давая ценные советы относительно того, что мне стоит делать, а что – нет.

Если Перри Андерсон – главный виновник моего вовлечения в этот крайне амбициозный проект, то Иммануил Валлерстайн – главный виновник того, что этот проект стал еще более амбициозным, чем он был вначале. В продлении временного горизонта исследования, включающего броделевскую *longue duree*, я на самом деле шел по его стопам. Его настойчивые утверждения во время нашей повседневной работы в Центре им. Фернана Броделя, что тенденции и ситуации моего долгого двадцатого века могут отражать структуры и процессы, развивавшиеся по крайней мере с XVI века, были достаточно назойливыми, чтобы побудить меня проверить обоснованность этих утверждений. Проведя такую проверку, я увидел иные вещи, чем имел в виду он; и даже когда я видел те же самые вещи, я толковал и применял их иначе, чем он в своей «Современной миросистеме». Но утверждая, что *longue duree* исторического капитализма была подходящей временной рамкой для той конструкции, которую я

намеревался построить, он был абсолютно прав. Без его интеллектуальных стимулов и вызовов я бы не подумал писать эту книгу так, как она написана.

Между замыслом этой книги и ее действительным написанием существует разрыв, который мне никогда бы не удалось преодолеть, если бы не существовало того необыкновенного сообщества последипломных студентов, с которым мне посчастливилось работать на протяжении пятнадцати лет в Университете штата Нью-Йорк – Бингемтон. Сознательно или нет, члены этого сообщества задали мне большинство вопросов и дали множество ответов, которые теперь составляют содержание этой работы. Все вместе они были гигантом, на чьих плечах я отправился в свое путешествие. И эта книга по праву посвящена им.

Как вдохновитель программы по социологии для последипломных студентов в Университете штата Нью-Йорк – Бингемтон, Теренс Хопкинс во многом ответственен за превращение Бингемтона в единственное место, где я мог написать эту книгу. Он также ответственен за все то ценное, что есть в методологии, использованной мной. Будучи самым резким моим критиком и самым решительным моим сторонником, Беверли Сильвер сыграла решающую роль в осуществлении этого замысла. Без ее интеллектуального руководства я бы сбился с пути; без ее моральной поддержки я ограничился бы значительно меньшим, чем было сделано в конечном итоге.

Ранний вариант первой главы был представлен на Второй конференции Совета экономических и социальных исследований по «Структурным изменениям на Западе», проведенной в колледже Эммануэль в Кембридже в сентябре 1989 года, и был впоследствии опубликован в журнале *Review* (Summer 1990), а затем переиздан в сборнике «Грамши, исторический материализм и международные отношения» (Gill 1993). Разделы глав 2 и 3 были представлены на Третьей конференции по той же теме, проведенной в колледже Эммануэль в сентябре 1990 года. Участие в этих двух конференциях, а также в предыдущей, проведенной в сентябре 1988 года, помогло моему кораблю двинуться дальше, когда он мог пойти на дно. Я очень благодарен Фреду Холлидею и Майклу Манну за приглашение принять участие во всей серии конференций Совета экономических и социальных исследований, Джону Хобсону – за их прекрасную организацию и всем остальным участникам – за стимулирующие дискуссии, которые мы вели.

Перри Андерсон, Гопал Балакришнан, Робин Блэберн, Теренс Хопкинс, Решат Касаба, Рави Палат, Томас Рейфер, Беверли Сильвер и Иммануил Валлерстайн прочли черновой вариант рукописи и высказали свои замечания. Их различные специализации и подходы крайне помогли мне исправить то, что можно было исправить в конце этого рискованного предприятия. Томас Рейфер также помог мне в окончательной сверке ссылок и цитат. С большими основаниями, чем обычно, я беру на себя всю ответственность за все неточности и неясности.

Наконец, особая благодарность моему сыну Андреа. Когда я приступил к этой работе, он пошел в среднюю школу. Ко времени, когда я написал последний вариант, он закончил свою дипломную работу по философии в Университете Статале в Милане. На протяжении всего этого времени он был прекрасным сыном. Но по мере приближения этой работы к концу он стал также неоценимым редактором. Если эту книгу будут читать не только историки и социологи, то этим я во многом обязан ему.

Джованни Арриги
март 1994 года

Введение

За последнюю четверть века в способе действия капитализма, по всей видимости, произошли некоторые важные изменения. В 1970-х годах многие говорили о кризисе. В 1980-х годах большинство говорило о реструктуризации и реорганизации. В 1990-х мы больше не уверены в том, что кризис 1970-х годов вообще разрешился, и все более широкое распространение получает представление о том, что история капитализма, возможно, достигла своей критической точки.

Наша идея заключается в том, что история капитализма действительно подошла к важному поворотному моменту, но ситуация не так необычна, как может показаться на первый взгляд. Долгие периоды кризиса, реструктуризации и реорганизации или прерывистых изменений были гораздо более типичными для истории капиталистической мировой экономики, чем краткие моменты широкой экспансии в определенном направлении, наподобие тех, что имели место в 1950-1960-х годах. В прошлом эти длительные периоды прерывистых изменений завершались восстановлением капиталистической мировой экономики на новых и более прочных основаниях. Наше исследование прежде всего преследует цель установить системные условия, при которых может произойти новое восстановление, и, если оно произойдет, определить, на что оно может быть похоже.

Изменения в функционировании капитализма на локальном и глобальном уровне, произошедшие с 1970-х годов, отмечались многими, хотя точный характер этих изменений по-прежнему вызывает разногласия. Но их фундаментальное значение стало общей темой быстро растущей литературы.

Изменилась пространственная конфигурация процессов накопления капитала. В 1970-х годах преобладающей, по-видимому, была тенденция к перемещению процессов накопления капитала из стран и регионов с высокими доходами в страны и регионы с низкими доходами (Frobel, Heinrichs and Kreye 1980; Bluestone and Harrison 1982; Massey 1984; Walton 1985). В 1980-х годах, напротив, по-видимому, преобладала тенденция к повторной централизации капитала в странах и регионах с высокими доходами (Gordon 1988). Но независимо от направления развития с 1970-х годов наблюдалась тенденция к большей географической мобильности капитала (Sassen 1988; Scott 1988; Storper and Walker 1989).

Это было тесно связано с изменениями в организации процессов производства и обмена. Одни авторы утверждали, что кризис «фордистского» массового производства, основанного на системах специализированных машин, работающих в организационных областях вертикально интегрированных и бюрократически управляемых гигантских корпораций, создал уникальную возможность для возрождения систем «гибкой специализации», основанных на мелкосерийном производстве, осуществляемом малыми и средними предприятиями и определяемом процессами обмена, схожими с рыночными (Piore and Sable 1984; Sable and Zeitlin 1985; Hirst and Zeitlin 1991). Другие сосредоточили внимание на правовом регулировании деятельности, связанной с получением дохода, и заметили, что растущая «формализация» экономической жизни, то есть быстрый рост правовых ограничений, накладываемых на организацию процессов производства и обмена, вызвала обратную тенденцию к «неформализации», то есть быстрый рост деятельности, связанной с получением дохода и пренебрегающей правовым регулированием в тех или иных видах «личного» или «семейного» предпринимательства (Lomnitz 1988; Portes, Castells, and Benton 1989; Feige 1990; Portes 1994).

В частично пересекающихся с этой литературой многочисленных исследованиях продолжают развиваться идеи французской «школы регулирования», а нынешние изменения в режиме действия капитализма истолковываются как структурный кризис того, что они называют фордистско-кейнсианским «режимом накопления» (см.: Boyer 1990; Jessop 1990; Tickell

and Peck 1992). Этот режим связывается со становлением особого этапа капиталистического развития, характеризуемого инвестициями в основной капитал, создающими потенциал для постоянного роста производства и массового потребления. Для осуществления этого потенциала требовались соответствующая правительственная политика и действия, социальные институты, нормы и привычки поведения («способ регулирования»). «Кейнсианство» описывается как способ регулирования, который позволил складывавшемуся фордистскому режиму полностью раскрыть свой потенциал. И это, в свою очередь, считалось основной причиной кризиса 1970-х годов (Aglietta 1979b; De Vroey 1984; Lipietz 1987; 1988).

Вообще говоря, «регуляционисты» не предполагали, что могло прийти на смену фордизму-кейнсианству, и не задумывались о возможности иного режима накопления со своим способом регулирования. В том же ключе, но с использованием иного концептуального аппарата Клаус Оффе (Offe 1985) и – более подробно – Скотт Лэш и Джон Урри (Lash and Urry 1987) говорили о конце «организованного капитализма» и возникновении «дезорганизованного капитализма». Считается, что основная угроза сущности «организованного капитализма» – администрированию и сознательному регулированию национальных экономик управленческими иерархиями и правительственными чиновниками – исходит со стороны растущей пространственной и функциональной деконцентрации и децентрализации корпораций, которая ставит процессы накопления капитала перед лицом кажущейся необратимой «дезорганизации».

Споря с этим акцентом на распаде, а не на сохранении современного капитализма, Дэвид Харви (Harvey 1989) утверждает, что в действительности капитализм может переживать «исторический переход» от фордизма-кейнсианства к новому режиму накопления, который он осторожно называет «гибким накоплением». В 1965–1973 годах, говорит он, трудности, с которыми пришлось столкнуться фордизму и кейнсианству в сдерживании внутренних противоречий капитализма, становились все более очевидными: «Не вдаваясь в пространные рассуждения, эти трудности лучше всего можно было выразить одним словом: негибкость». Имели место проблемы с негибкостью долгосрочных и масштабных инвестиций в системы массового производства, с негибкостью регулируемых рынков труда и контрактов и с негибкой приверженностью государства программам социального страхования и оборонным программам.

За всеми этими проявлениями негибкости стоит довольно громоздкая и внешне неизменная конфигурация политической власти и отношений, которые связывали крупные профсоюзы, крупный капитал и крупное правительство все больше мешавшими нормальной работе строго прописанными приобретенными правами, которые скорее подрывали, чем обеспечивали безопасное накопление капитала (Harvey 1989: 142).

Попытки американского и британского правительств сохранить импульс послевоенного экономического бума при помощи необычайно свободной денежно-кредитной политики, принесшие определенные плоды в конце 1960-х годов, обернулись неблагоприятными последствиями в начале 1970-х годов. Негибкость еще больше усилилась, реальный рост прекратился, инфляционные тенденции вышли из-под контроля, а система фиксированных валютных курсов, которая поддерживала и регулировала послевоенный рост, разрушилась. С этого времени все государства попали в зависимость от финансовой дисциплины, столкнувшись с последствиями утечки капитала или прямым институциональным давлением. «Конечно, всегда существовало хрупкое равновесие между финансовой и государственной властью при капитализме, но распад фордизма-кейнсианства явно означал переход к власти финансового капитала над национальными государствами» (Harvey 1989: 145, 168).

Этот переход, в свою очередь, привел к «распространению новых финансовых инструментов и рынков и появлению крайне сложных систем финансовой координации в глобаль-

ном масштабе». Именно этот «необычайный расцвет и трансформацию финансовых рынков» Харви – не без колебаний – называет реальным новшеством капитализма 1970-1980-х годов и ключевой особенностью складывавшегося режима «гибкого накопления». Пространственное переустройство процессов производства и накопления, возрождение ремесленного производства и личных и семейных деловых сетей, распространение рыночной координации за счет корпоративного и правительственного планирования – все это, с точки зрения Харви, отражает различные аспекты перехода к новому режиму гибкого накопления. Однако он склонен считать их проявлениями поиска финансовых решений кризисных тенденций капитализма (Harvey 1989: 191–194).

Харви полностью осознает трудности, связанные с теоретическим осмыслением перехода к гибкому накоплению, признавая в то же время, что именно его капитализм и переживает, и отмечает несколько «теоретических дилемм».

Можем ли мы постичь логику, если не необходимость, перехода? В какой степени прошлые и настоящие теоретические формулировки динамики капитализма должны быть видоизменены в свете радикальных реорганизаций и реструктуризаций, которые имеют место в производительных силах и социальных отношениях? И можем ли мы представить нынешний режим достаточно хорошо, чтобы понять возможное направление и значение того, что кажется продолжающейся революцией? Переход от фордизма к гибкому накоплению... ставит в тупик существующие теории... Но все они сходятся в том, что после 1970 года в действии капитализма произошли серьезные изменения (Harvey 1989: 173).

Вопросы, которые привели к появлению этого исследования, во многом схожи с теми, что волновали Харви. Но поиск ответов предполагает рассмотрение нынешних тенденций в свете закономерностей повторения и развития на всем протяжении существования исторического капитализма как мировой системы. Как только мы производим такое расширение пространственно-временного горизонта наших наблюдений и теоретических предположений, тенденции, казавшиеся нам новыми и непредсказуемыми, начинают выглядеть знакомыми.

Точнее, отправной точкой нашего исследования было утверждение Фернана Броделя, что основной особенностью исторического капитализма на протяжении его *longue duree*, то есть всего его существования, были «гибкость» и «эклектичность» капитала, а не конкретные формы, принимаемые последним в разных местах и в разное время.

Подчеркнем еще раз это важнейшее для общей истории капитализма качество: его испытанную гибкость, его способность к трансформации и к *адаптации*. Если, как я полагаю, существует определенное единство капитализма от Италии XIII века до сегодняшнего Запада, то как раз здесь его следует помещать и наблюдать (Бродель 1988: 432).

В некоторые – даже продолжительные – периоды, по-видимому, происходила «специализация» капитализма, как в XIX веке, когда он «[весьма] зримо устремился в громадную новую область». Эта специализация привела к тому, что историки стали склонны «представлять машинную промышленность как завершающий этап развития капитализма, который будто бы придал ему его “истинное” лицо». Но это очень ограниченный взгляд.

После первого бума машинного производства самый развитый капитализм возвратился к эклектичности, к своего рода нераздельности, как если бы и сегодня, как во времена Жака Кера, характерным преимуществом было находиться в господствующих пунктах, не замешкаться с единственным

выбором: быть в высшей степени способным к адаптации и, следовательно, быть неспециализированным (Бродель 1988: 377).

Мне кажется, что такие переходы можно считать подтверждением общей формулы капитала у Маркса: $D - T - D'$. Денежный капитал (D) означает ликвидность, гибкость, свободу выбора. Товарный капитал (T) означает капитал, вложенный в особую комбинацию производства – потребления с целью получения прибыли. Поэтому он означает конкретность, негибкость и сужение или закрытие возможностей. D' означает расширение ликвидности, гибкости и свободы выбора.

Понятая таким образом формула Маркса показывает, что капиталистические организации вкладывают деньги в особые комбинации производства – потребления с неизбежной потерей гибкости и свободы выбора не ради простого вложения. Скорее они вкладывают их для получения большей гибкости и свободы выбора в будущем. Формула Маркса также показывает, что, если капиталисты не рассчитывают на увеличение свободы выбора или если их расчеты систематически не оправдываются, капитал стремится вернуться к более гибким формам инвестирования – прежде всего к своей денежной форме. Иными словами, капиталисты «предпочитают» ликвидность, и необычно большая доля денежных потоков стремится оставаться в ликвидной форме.

Такое второе прочтение неявно присутствует в броделевском описании «финансовой экспансии» как признака зрелости определенного направления развития капитализма. Рассматривая уход голландцев из торговли в середине XVIII века, для того чтобы стать «банкирами Европы», Бродель полагает, что этот уход представляет собой повторяющуюся тенденцию в миросистеме. Та же тенденция наблюдалась в Италии в XV веке, когда генуэзская капиталистическая олигархия переключилась с товаров на банковское дело, и во второй половине XVI века, когда генуэзские *nobili vecchi*, официальные кредиторы короля Испании, постепенно отошли от торговли. Вслед за голландцами этот путь прошли также англичане в конце XIX – начале XX века, когда завершение «фантастических приключений промышленной революции» создало чрезмерное предложение денежного капитала (Бродель 1988: 243–244; 247).

После не менее фантастических приключений так называемого фордизма-кейнсианства американский капитал пошел по тому же пути в 1970-1980-х годах. Бродель не рассматривает финансовую экспансию нашего времени, которая развернулась после того, как он завершил свою трилогию о материальной цивилизации и капитализме. Тем не менее мы можем без труда узнать в этом последнем «возрождении» финансового капитала еще один пример такого возвращения к «эклектичности», которое в прошлом было связано с созревaniem каждого важного этапа капиталистического развития: «... любая эволюция такого рода как бы возвещала, вместе со стадией финансового расцвета, некую зрелость; то был *признак надвигающейся осени*» (Бродель 1988: 247; выделено мной. – Д. А.).

Таким образом, общая формула капитала у Маркса ($D - T - D'$) может быть понята как отражение не только логики индивидуальных капиталистических инвестиций, но и повторяющейся закономерности исторического капитализма как миросистемы. Основная особенность этой закономерности состоит в чередовании эпох материальной экспансии ($D - T$ этапов накопления капитала) с фазами финансового возрождения и экспансии ($T - D'$ стадии). На фазах материальной экспансии денежный капитал «приводит в движение» растущую массу товаров, включая товаризованную рабочую силу и природные ресурсы; а на фазах финансовой экспансии растущая масса денежного капитала «освобождается» от своей товарной формы, и накопление осуществляется посредством финансовых сделок, как в сокращенной формуле у Маркса: $D - D'$. Вместе эти две эпохи, или фазы, составляют полный *системный цикл накопления* ($D - T - D'$).

Наше исследование, по сути, представляет собой сравнительный анализ последовательных системных циклов накопления, направленный на выделение: 1) закономерностей повто-

рения и развития, воспроизводимых на нынешней фазе финансовой экспансии и системной реструктуризации; и 2) аномалий этой нынешней фазы финансовой экспансии, которые могут привести к разрыву с прошлыми закономерностями повторения и развития. Будут выделены четыре системных цикла накопления, каждый из которых характеризуется фундаментальным единством основной движущей силы и структуры мировых процессов накопления капитала: генуэзский цикл XV – начала XVII века, голландский цикл конца XVI – третьей четверти XVIII века, британский цикл второй половины XVIII – начала XX века и американский цикл, который начался в конце XIX века и продолжается на нынешней фазе финансовой экспансии. Как показывает эта приблизительная и предварительная периодизация, последовательные системные циклы накопления пересекаются, и, хотя они становятся короче по своей продолжительности, все они длятся больше столетия: отсюда понятие «долгого века», которое будет считаться основной временной единицей при анализе мировых процессов накопления капитала.

Эти циклы полностью отличаются от «столетних циклов» (или ценовых колебаний) и более коротких кондратьевских циклов, которым Бродель придавал большое значение. Столетние и кондратьевские циклы представляют собой эмпирические конструкции с неясным теоретическим значением, выводимые из наблюдаемых долгосрочных колебаний в товарных ценах (обзор соответствующей литературы см.: Barr 1979; Goldstein 1988). Столетние циклы обнаруживают некоторые поразительные сходства с нашими системными циклами. Их четыре, все они длятся больше столетия и постепенно становятся короче (Бродель 1992: 74). Однако столетние ценовые циклы и системные циклы накопления не совпадают друг с другом по времени. Финансовая экспансия может начаться в начале, в середине или в конце столетнего (ценового) цикла (см. рис. 10 в этой книге).

Бродель не пытается примирить такое расхождение между своей датировкой финансовых экспансий, на которой основывается наша периодизация системных циклов накопления, и своей датировкой столетних (ценовых) циклов. Не станем делать этого и мы. Столкнувшись с выбором между этими двумя видами циклов, мы отдали предпочтение системным циклам, потому что они представляют собой намного более надежные и достоверные показатели того, что является специфически капиталистическим в современной мировой системе, чем столетние или кондратьевские циклы.

На самом деле в литературе отсутствует согласие относительно того, о чем свидетельствуют долгосрочные колебания цен – логистические или кондратьевские. Они, конечно, не являются надежными свидетельствами сужения и экспансии чего-то специфически капиталистического в современной миросистеме. Прибыльность и главенство капитала над человеческими и природными ресурсами может снижаться или увеличиваться как во время спада, так и во время подъема. Если сами «капиталисты», как бы они ни определялись, конкурируют более (менее) остро, чем их «некапиталистические» поставщики и клиенты, то прибыльность будет падать (расти) и господство капитала над ресурсами будет снижаться (расти) независимо от роста или падения цен.

Ни ценовая логистика, ни кондратьевские циклы, по-видимому, не являются специфически капиталистическими явлениями. Любопытно отметить, что в синтезе эмпирических данных и теоретических оснований длинноволновых исследований у Джошуа Голдстейна понятие «капитализма» вообще не играет никакой роли. При помощи статистических средств он устанавливает, что длинные волны в ценах и производстве «объясняются» прежде всего суровостью того, что он называет «войнами больших держав». Что касается капитализма, то проблема его возникновения и экспансии открыто объявляется выходящей за рамки его исследования (Goldstein 1988: 258–274, 286).

Проблема связи между возникновением капитализма и долгосрочными колебаниями цен с самого начала вызывала интерес у миросистемных исследователей. Николь Буске (Bousquet 1979: 503) считала «удивительным», что ценовая логистика существовала задолго до XVI

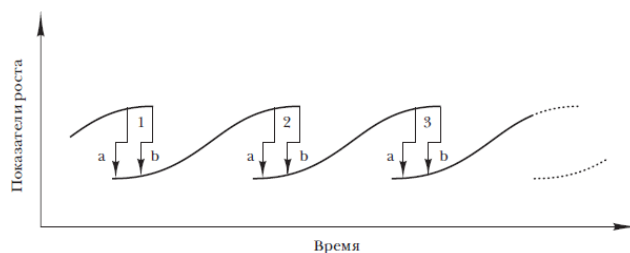
века. По той же причине Альберт Бергесен (Bergesen 1983: 78) сомневался в том, что именно отражала ценовая логистика – «динамику феодализма или капитализма или их обоих». Даже имперский Китай, по-видимому, переживал те же волновые явления, что и Европа (Hartwell 1982; Skinner 1985). Наиболее озабоченные этим вопросом Барри Джиллс и Андре Гундер Франк (Gills and Frank 1992: 621–622) настаивали на необходимости признания того, что «фундаментальные циклические ритмы и столетние тенденции мировой системы существуют уже на протяжении почти 5000 лет, а не 500 лет, как принято считать в миросистемных и длинно-волновых подходах».

Короче говоря, связь между столетними циклами Броделя и капиталистическим накоплением капитала не имеет под собой никаких ясных логических или исторических оснований. Понятие системных циклов накопления, напротив, выводится напрямую из броделевского понятия капитализма как «неспециализированного» верхнего «этажа» в иерархии мира торговли. Именно в этом высшем слое получают «крупные прибыли». Прибыль здесь велика не просто потому, что капиталистическая страта «монополизирует» наиболее выгодные направления бизнеса: куда более важно то обстоятельство, что капиталистическая страта нуждается в гибкости для постоянного переключения своих инвестиций с одних отраслей, в которых происходит сокращение прибыли, на другие (Бродель 1988: 7, 221, 428–432).

Как и в общей формуле капитала у Маркса ($D - T - D'$), так и в определении капитализма у Броделя действующую силу или социальную страту капиталистической делает не ее склонность инвестировать в определенный товар (например, рабочую силу) или сферу деятельности (например, промышленность). Они становятся капиталистическими в силу систематического и постоянного наделения денег «производительной силой» (выражение Маркса) независимо от характера конкретных товаров и видов деятельности, которые оказываются под рукой в данный момент времени. Понятие системных циклов накопления, взятое нами из исторического наблюдения Броделя за повторяющимися финансовыми экспансиями, логически вытекает из этой строго инструментальной связи капитализма с миром торговли и производства и подчеркивает ее. То есть финансовые экспансии свидетельствуют о ситуации, когда вложение денег в рост торговли и производства перестает обеспечивать такое же поступление денежных средств к капиталистической страте, как и чисто финансовые сделки. В такой ситуации капитал, вложенный в торговлю и производство, стремится вернуться к своей денежной форме и более прямому накоплению, как в сокращенной формуле у Маркса $D - D'$.

Таким образом, системные циклы накопления в отличие от ценовой логистики и кондратьевских циклов являются по сути своей капиталистическими явлениями. Они свидетельствуют о фундаментальной преемственности мировых процессов накопления капитала в современную эпоху. Но они также образуют глубокие разрывы в стратегиях и структурах, которые веками формировали такие процессы. Как и в некоторых попытках осмысления кондратьевских циклов, например у Герхарда Менша (Mensch 1979), Дэвида Гордона (Gordon 1980) и Карлоты Перес (Perez 1983), в наших циклах подчеркивается чередование фаз непрерывных изменений с фазами прерывистых изменений.

Так, наша последовательность частично пересекающихся системных циклов обнаруживает значительное формальное сходство с «метаморфозной моделью» социально-экономического развития у Менша. Менш (Mensch 1979: 73) отказывается от «представления о том, что экономика развивалась волнами, в пользу теории, что она развивалась через ряд прерывистых инновационных толчков, принимающих форму последовательных волнообразных циклов» (см. рис. 1). Его модель описывает фазы устойчивого роста в определенном направлении, чередующиеся с фазами кризиса, реструктуризации и турбулентности, которые в конечном итоге воссоздают условия для устойчивого роста.

Источник: Mensch (1979: 73)

Рис. 1. Метаморфозная модель Менша

Модель Менша касается прежде всего роста и инноваций в отдельных отраслях или в отдельных национальных экономиках и как таковая не имеет прямого отношения к нашему исследованию. Тем не менее идея циклов, состоящих из фаз непрерывных изменений в одном направлении, чередующихся с фазами прерывистой смены одного направления на другое, лежит в основе нашей последовательности системных циклов накопления. Различие заключается в том, что в нашей модели «развивается» не отдельная отрасль или национальная экономика, а капиталистическая мировая экономика в целом на всем протяжении своего существования. Так, фазы материальной экспансии ($D - T$) будут соответствовать фазам непрерывных изменений, в течение которых капиталистическая мировая экономика растет в одном направлении. А фазы финансовой экспансии ($T - D'$) будут соответствовать фазам прерывистого развития, в течение которых рост в определенном направлении достигнет или приблизится к своему пределу, и капиталистическая мировая экономика вследствие радикальной реструктуризации и реорганизации «переходит» на другое направление.

Исторически рост в одном направлении и переход с одного направления на другое не был просто непреднамеренным следствием множества действий, предпринимаемых автономно в каждый данный момент времени индивидами и множеством сообществ, на которые разделен мир-экономика. Скорее повторяющиеся экспансии и реструктуризации капиталистического мира-экономики происходили под руководством отдельных сообществ и объединений правительственных и деловых сил, которым удавалось с выгодой для себя использовать непреднамеренные следствия действий других сил. Стратегии и структуры, посредством которых эти ведущие силы продвигали, организовывали и регулировали экспансию или реструктуризацию капиталистического мира-экономики, требуют осмысления в рамках режима накопления в мировом масштабе. Основная цель концепции системных циклов состоит в описании и объяснении формирования, консолидации и распада последовательных режимов, благодаря которым капиталистический мир-экономика вырос из своего субсистемного эмбрионального состояния в эпоху позднего Средневековья и приобрел нынешнее глобальное измерение.

Вся конструкция покоится на нетрадиционном представлении Броделя об отношениях, которые связывают формирование и расширенное воспроизводство исторического капитализма как мировой системы с процессами формирования государства, с одной стороны, и формирования рынка – с другой. В социальных науках, политическом дискурсе и средствах массовой информации распространено представление о том, что капитализм и рыночная экономика более или менее тождественны между собой, а государственная власть противостоит им обоим. Бродель, напротив, считает капитализм полностью зависимым в своем появлении и экспансии от государственной власти и образующим антитезу рыночной экономике (ср.: Wallerstein 1991: chs 14–15).

Точнее, Бродель считал капитализм верхним слоем трехуровневой структуры, где, «как... и в любой иерархии, верхние этажи не могли бы существовать без низлежащих, на

которые они опирались». Нижний и до недавнего времени самый широкий слой – это слой крайне примитивной и преимущественно самодостаточной экономики. За неимением лучшего выражения, он назвал его слоем *материальной жизни*, «этажом» “неэкономики”, своего рода гумусным слоем, где вырастают корни рынка, но не пронизывая всей его массы» (Бродель 1988: 5–6, 220).

Выше него [нижнего «этажа»], в зоне по преимуществу рыночной экономики, множились горизонтальные связи между разными рынками; некий автоматизм обычно соединял там спрос, предложение и цену. Наконец, рядом с этим слоем или, вернее, над ним зона «*противорынка*» представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу – как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее. (Бродель 1988: 220; выделено мной. —Д. А.)

Мировая рыночная экономика в смысле множества горизонтальных связей между различными рынками вышла из глубины низового слоя материальной жизни задолго до появления капитализма над слоем рыночной экономики. Как показала Дженет Абу-Лагход (Abu-Lughod 1989), широкая, но все же вполне различимая система горизонтальных связей между основными рынками Евразии и Африки существовала уже в XIII веке. И нам известно, что Джиллс и Франк могли быть правы, утверждая, что эта система горизонтальных связей на самом деле возникла несколькими тысячелетиями ранее.

Как бы то ни было, в нашем исследовании рассматривается вопрос не о том, когда и как мировая рыночная экономика возвысилась над основополагающими структурами повседневной жизни, а о том, когда и как капитализм возвысился над структурами ранее существовавшей мировой рыночной экономики и со временем набрался сил, чтобы изменить рынки и жизнь всего мира. Как отмечает Бродель (Бродель 1992: 88), превращение Европы в «чудовищное орудие мировой истории», которым она стала с XVI века, не было простым переходом. Скорее это был «ряд этапов и переходов, из которых первые были куда более ранними, нежели классическое Возрождение конца XV века».

Наиболее важным моментом в этом ряде переходов было вовсе не распространение элементов капиталистического предприятия по всей Европе: элементы этого встречались во всей евразийской системе торговли и ни в коей мере не были специфическими для Запада.

Мы без конца будем встречать от Египта до Японии капиталистов, получателей рент с крупной торговли, крупных купцов, тысячи исполнителей, комиссионеров, маклеров, менял, банкиров. И, с точки зрения орудий, возможностей и гарантий обмена, никакая из этих купеческих групп не уступала своим собратьям на Западе. В Индии и за ее пределами купцы – тамилы, бенгали, гуджарати – образовывали узкие ассоциации, и их дела, их контракты переходили от одной группы к другой, как в Европе от флорентийцев к жителям Лукки и генуэзцам, или к немцам из Южной Германии, или к англичанам. Со времен раннего Средневековья в Каире, в Адене и в портах Персидского залива существовали даже «церики купцов» (Бродель 1992: 501).

Нигде, кроме Европы, эти элементы капитализма не создавали такого мощного сочетания, которое подтолкнуло европейские государства к территориальному завоеванию мира и созданию всесильного и по-настоящему глобального капиталистического мира-экономики. С этой точки зрения, действительно важным переходом, нуждающимся в объяснении, является не переход от феодализма к капитализму, а переход от рассеянной к сосредоточенной капиталистической власти. И наиболее важным аспектом этого во многом забытого перехода было

уникальное сочетание государства и капитала, которое нигде не было более благоприятным для капитализма, чем в Европе.

Капитализм торжествует лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, *когда сам становится государством*. Во время первой большой фазы его развития в городах-государствах Италии – Венеции, Генуе, Флоренции – власть принадлежала денежной элите. В Голландии XVII века регенты-аристократы управляли страной в интересах и даже по прямым указаниям дельцов, негоциантов и крупных финансистов. В Англии после революции 1688 года власть оказалась в ситуации, подобной голландской (Бродель 1993: 69; выделено мной. – Д. А.).

Обратной стороной этого процесса была межгосударственная конкуренция за мобильный капитал. Как отмечал Макс Вебер в своей «Истории хозяйства», в античности, как и в эпоху позднего Средневековья, европейские города были рассадниками «политического капитализма». И в ту, и в другую эпоху самостоятельность городов постепенно разрушалась более крупными политическими структурами. Но если в эпоху античности эта утрата самостоятельности означала конец политического капитализма, то в эпоху раннего Нового времени она означала перерастание капитализма в новую мировую систему.

В древности самостоятельность города была поглощена бюрократически организованным мировым государством, в котором политическому капитализму уже не находилось места. но фактически новейшие города были настолько же мало свободными, как и античные времен римского владычества. Различие состоит только в том, что теперь они подпали под власть конкурирующих между собой национальных государств, ведущих непрерывную мирную и военную борьбу за господство. Эта конкуренция и создала в высшей степени благоприятные условия для развития современного капитализма. Каждое государство стремилось привлечь свободно обращающийся капитал, и этот последний диктовал условия, на которых он соглашался служить. Таким образом, замкнутое национальное государство создает обстановку для дальнейшего существования капитализма, и последний сохраняется до тех пор, пока национальное государство не уступит место мировому. (Вебер 2001: 305)

Развивая ту же мысль в «Хозяйстве и обществе», Вебер (Weber 1978: 353354) заметил, что эта конкуренция за мобильный капитал между «крупными, примерно равными и чисто политическими структурами» привела

к тому незабываемому союзу между возвышавшимися государствами и преуспевающими и привилегированными капиталистическими силами, который был главным фактором в создании современного капитализма. Ни торговлю, ни денежно-кредитную политику современных государств невозможно понять без этого своеобразного политического соперничества и «равновесия» между европейскими государствами на протяжении последних пяти столетий.

В нашем анализе эти замечания найдут свое подтверждение, и будет показано, что межгосударственная конкуренция была важнейшей составляющей всех фаз финансовой экспансии и главным фактором в формировании тех блоков правительственных и деловых организаций, которые провели капиталистическую мировую экономику через последовательные фазы материальной экспансии. Но, частично уточняя тезис Вебера, наш анализ также покажет, что *концентрация* власти в руках отдельных блоков правительственных и деловых сил была так

же важна для повторяющихся экспансий капиталистического мира-экономики, как и соперничество между «примерно равными» политическими структурами. Как правило, крупные материальные экспансии происходили только тогда, когда новый доминирующий блок становился достаточно сильным для того, чтобы не просто пренебречь или встать над межгосударственной конкуренцией, но и установить контроль над ней и обеспечить минимальное межгосударственное сотрудничество. Иными словами, необычайная экспансия капиталистической мировой экономики за последние пятьсот лет произошла не благодаря межгосударственной конкуренции как таковой, а благодаря сочетанию межгосударственной конкуренции с постоянно растущей концентрацией капиталистической власти в миросистеме в целом.

Идея растущей концентрации капиталистической власти в современной миросистеме красной нитью проходит и в «Капитале» Карла Маркса. Как и Вебер, Маркс придавал особое значение роли, которую сыграла система государственного долга, впервые опробованная Генуей и Венецией в позднем Средневековье, в содействии первоначальной экспансии современного капитализма.

Государственный долг, т. е. отчуждение государства – все равно: деспотического, конституционного или республиканского, – накладывает свою печать на капиталистическую эру. Словно прикосновением волшебного жезла, он одаряет непроемчивые деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, связанным с помещением денег в промышленность и даже с частно-ростовщическими операциями. Государственные кредиторы в действительности не дают ничего, так как ссуженные ими суммы превращаются в государственные долговые свидетельства, легко обращающиеся, функционирующие в их руках совершенно так же, как и наличные деньги (Маркс 1960: 764–765).

Внимание Маркса к внутренним аспектам накопления капитала помешало ему оценить сохраняющееся значение государственных долгов в системе государств, ведущих постоянное соперничество друг с другом за помощь со стороны капиталистов в своих властных устремлениях. Для Маркса отчуждение активов и будущих доходов государств было одним из аспектов «первоначального накопления» («предшествующего накопления» – у Адама Смита), «являющегося не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом» (Маркс 1960: 725). Тем не менее Маркс признавал сохраняющееся значение государственных долгов не как выражение межгосударственного соперничества, а как средство «невидимого» межкапиталистического сотрудничества, которое раз за разом «начинало» накопление капитала в пространстве и времени капиталистической мировой экономики с самого начала до сегодняшнего дня.

Вместе с государственными долгами возникла система международного кредита, которая зачастую представляет собой один из скрытых источников первоначального накопления у того или другого народа. Так, гнусности венецианской системы грабежа составили подобное скрытое основание капиталистического богатства Голландии, которой пришедшая в упадок Венеция ссужала крупные денежные суммы. Таково же отношение между Голландией и Англией. Уже в начале XVIII века Голландия перестала быть господствующей торговой и промышленной нацией. Поэтому в период 1701–1776 гг. одним из главных предприятий голландцев становится выдача в ссуду громадных капиталов, в особенности своей могучей конкурентке – Англии. Подобные же отношения создались в настоящее время между Англией и Соединенными Штатами (Маркс 1960: 765–766).

Но Маркс не заметил, что последовательность ведущих капиталистических государств, описанная в этом отрывке, состоит из единиц, обладающих все большим размером, ресурсами и мировой властью. Все четыре государства – Венеция, Голландия, Англия и Соединенные Штаты – были великими державами сменявших друг друга эпох, в течение которых их правящие группы одновременно играли ведущую роль в процессах формирования государств и накопления капитала. При последовательном рассмотрении выяснится, что эти четыре государства были очень разными великими державами. Как будет показано подробнее в ходе этого исследования, центральные области каждого последующего государства из этой последовательности занимали большую территорию и обладали большим многообразием ресурсов, чем государство-предшественник. И – что еще более важно – сети власти и накопления, позволявшие этим государствам реорганизовывать и контролировать мировую систему в рамках, в которых действовали они, последовательно росли по своим масштабам и возможностям.

Таким образом, можно заметить, что экспансия капиталистической силы за последние пятьсот лет была связана не только с межгосударственной конкуренцией за мобильный капитал, как подчеркивал Вебер, но и с формированием политических структур, наделенных еще более широкими и сложными организационными возможностями для контроля над социальной и политической средой накопления капитала в мировом масштабе. За последние пятьсот лет эти два основных условия капиталистической экспансии постоянно воссоздавались параллельно друг с другом. Всякий раз, когда мировые процессы накопления капитала для данного времени достигали своих пределов, наступали продолжительные периоды межгосударственной борьбы, в течение которых государства, контролировавшие или готовые установить контроль над наиболее важными источниками избыточного капитала, стремились также приобрести организационные возможности, необходимые для продвижения, организации и регулирования новой фазы капиталистической экспансии, еще более масштабной и широкой, чем прежде.

Как правило, приобретение этих организационных возможностей было в большей степени результатом позиционных преимуществ в меняющемся пространственном устройстве капиталистического мира-экономики, чем инноваций как таковых. Бродель (Бродель 1993: 71) приходит к признанию того, что инновации вообще не играли никакой роли в последовательной пространственной смене центра системных процессов накопления: «Амстердам копирует Венецию, как Лондон вскоре будет копировать Амстердам и как затем Нью-Йорк будет копировать Лондон». Как мы увидим, этот процесс подражания был гораздо сложнее описанной здесь простой последовательности. Как будет показано в дальнейшем, каждое перемещение было связано с подлинной «организационной революцией» в стратегиях и структурах ведущей силы капиталистической экспансии. Тем не менее таково утверждение Броделя, что перемещения этих центров отражали «победу новых стран над старыми» в сочетании с «важным изменением масштабов».

Потоки капитала из приходящих в упадок к возникающим новым центрам, отмеченные Марксом, использовались приходящими в упадок центрами для предъявления притязаний на огромные излишки, которые доставались новым центрам. Подобные потоки были неотъемлемой составляющей всех предыдущих финансовых экспансий. Нынешняя финансовая экспансия, как принято считать, нарушает такую закономерность.

Как будет показано в Эпилоге, нынешняя финансовая экспансия свидетельствовала о стремительном превращении Японии и менее крупных восточноазиатских государств в новый центр мировых процессов накопления капитала. И все же в 1980-х годах едва ли можно было говорить о серьезном перетекании капитала из приходящего в упадок центра в этот складывающийся центр. Напротив, как отметили Джоэл Коткин и Йорико Кишимото (Kotkin and Kishimoto 1988: 123), процитировав фрагмент, в котором Маркс описывает «скрытую» опору, которую приходящие в упадок лидеры в накоплении капитала передавали своим преемникам,

«вопреки изречению Маркса, Соединенные Штаты не идут по пути других империй, занимавшихся экспортом капитала (Венеция, Голландия и Великобритания), а привлекают теперь новую волну иностранных инвестиций». С их точки зрения, этот парадокс объясняется прежде всего привлекательностью для иностранного капитала относительно слабого контроля над иностранной деловой активностью, роста населения, физического пространства, огромных ресурсов и «статуса самой богатой и самой развитой континентальной державы в мире». В качестве частичного подтверждения этого тезиса они приводят слова ведущего экономиста Банка Японии и известного экономического националиста Хироши Такеучи, согласно которому Соединенные Штаты обладают масштабами и ресурсами, недоступными Японии. В результате, японские излишки перетекали в Соединенные Штаты точно так же, как и британские излишки в конце XIX века. «Задача Японии будет состоять в помощи Соединенным Штатам посредством экспорта наших денег для перестройки вашей экономики. Это свидетельствует о том, что наша экономика в своей основе слаба. Деньги идут в Америку, потому что вы в своей основе сильны» (Цит. по: Kotkin and Kishimoto 1988: 121–123).

Точка зрения Такеучи на соотношение сил Японии и Соединенных Штатов в основном совпадает с высказанной Сэмюэлем Хантингтоном на гарвардском семинаре по Японии, проведенном в 1979 году. Как отмечает Брюс Камингс (Comings 1987: 64), когда Эзра Вогель открыл семинар словами: «Меня действительно приводят в волнение размышления о последствиях роста японской мощи», Хантингтон ответил, что на самом деле Япония – «очень слабая страна». И ее основными слабыми сторонами были «энергетическая, продовольственная и военная безопасность».

Эта оценка основывается на привычном представлении о межгосударственной мощи, зависящей прежде всего от относительного размера, самодостаточности и военной силы. Здесь полностью упускается из виду то обстоятельство, что «технология власти» капитализма, заимствуя выражение Майкла Манна (Mann 1986), заметно отличалась от территориализма. Как подчеркивает Вебер в отрывках, приведенных выше, и как покажет наше исследование, соперничество за мобильный капитал между крупными, но примерно равными политическими структурами было наиболее важным и устойчивым фактором в возникновении и распространении капиталистической власти в современную эпоху. Если не учитывать последствия этой конкуренции за власть соперничающих государств и влияние государственных и негосударственных организаций, которые оказывают им экономическую поддержку в этой борьбе, наши оценки соотношений сил в мировой системе будут страдать от серьезных изъянов. Способность некоторых итальянских городов-государств веками сохранять независимость и оказывать политическое влияние на крупные территориальные державы Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени была бы столь же непостижима, как и внезапный крах и распад в конце 1980 – начале 1990-х годов наиболее крупной, наиболее самостоятельной и второй по величине военной державы нашего времени – СССР.

Не случайно, что отмеченное Коткиным и Кишимото «опровержение» изречения Маркса произошло во время внезапной эскалации гонки вооружений и политико-идеологической борьбы между Соединенными Штатами и СССР – второй «холодной войны», по выражению Фреда Холлидея (Halliday 1986). Не случайно, что финансовая экспансия 1970-1980-х годов достигла своего апогея как раз во время этой внезапной эскалации. Перефразируя Маркса, именно в это время отчуждение американского государства происходило быстрее, чем когда бы то ни было, и, перефразируя Вебера, именно в это время соперничество за мобильный капитал между двумя крупнейшими политическими структурами в мире создало необычайные новые возможности для дальнейшей экспансии капитализма.

Приток капитала из Японии в Соединенные Штаты в начале 1980-х годов следует рассматривать именно в этом контексте. Политические соображения, вызванные зависимостью Японии от американского мирового могущества несомненно сыграли важную роль в том, что

японский капитал помог Соединенным Штатам во время эскалации борьбы за власть: об этом, по-видимому, говорил Такеучи. Но, как показали последующие события, политические соображения невозможно было отделить от соображений прибыли.

В этом отношении приток капитала из Японии в Соединенные Штаты не был таким уж аномальным, как считали Коткин и Кишимото. Он напоминал финансовую помощь, которую возвышающаяся капиталистическая держава (Соединенные Штаты) оказывала приходящей в упадок капиталистической державе (Великобритании) в двух мировых войнах. Англо-германская конфронтация в отличие от американо-советской конфронтации 1980-х годов была, конечно, «горячей», а не «холодной». Но финансовые требования этих двух конфронтаций и прибыли, которые можно было получить от «поддержки» победителя, были все же сопоставимыми.

Основное различие между американской финансовой помощью Британии во время этих двух мировых войн и японской финансовой помощью Соединенным Штатам во время второй «холодной войны» заключается в результатах. Если Соединенные Штаты получили от нее огромную выгоду, то Япония – нет. Как мы увидим в четвертой главе, эти две мировые войны и их последствия сыграли решающую роль в перераспределении активов от Британии к Соединенным Штатам, что ускорило смену руководства в системных процессах накопления капитала. Во время и после второй «холодной войны», напротив, никакого сопоставимого перераспределения не произошло. По сути, Япония так и не вернула свои деньги.

Самые большие потери были вызваны падением стоимости доллара после 1985 года. Это означало, что деньги, которые брались займы в крайне переоцененных долларах, обслуживались и возвращались в недооцененных долларах. Потери, понесенные японским капиталом из-за девальвации, были настолько значительными, что японский бизнес и японское правительство отказались от своей прежде безоговорочной финансовой поддержки американского правительства. В середине 1987 года японские частные инвесторы – впервые с начала 1980-х годов – полностью отказались от экспорта капитала в Соединенные Штаты. А после краха фондовой биржи в октябре 1987 года японское министерство финансов не сделало ничего для того, чтобы побудить финансовых посредников поддержать важный аукцион по американскому государственному долгу, прошедший в ноябре 1987 года (Helleiner 1992: 434).

Трудности, с которыми столкнулась Япония, усилив давление на избыточный капитал при переводе активов из-под контроля Соединенных Штатов под контроль Японии, не были связаны с исторически беспрецедентным влиянием американских государственных и негосударственных сил, согласованно манипулирующих спросом и предложением, процентными ставками и валютными курсами на мировых финансовых рынках. Приобретение материальных активов в Соединенных Штатах было сопряжено со своими трудностями. Что касается японского капитала, то самая богатая и самая развитая континентальная держава, вопреки представлениям Коткина и Кишимото, оказалась вполне способной контролировать иностранный бизнес.

Этот «контроль» был в большей степени неформальным, чем формальным, но от этого он не был менее реальным. Не обошлось и без культурных барьеров: достаточно вспомнить историческую реакцию американских средств массовой информации на покупку японским капиталом Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке. А так как японские приобретения американской недвижимости не шли ни в какое сравнение с европейскими, канадскими и австралийскими, такая реакция показала покупателям и продавцам, что японские деньги не обладали теми же «правами» на приобретение американских активов, что и деньги европейцев.

Если средства массовой информации сыграли главную роль в создании культурных барьеров для передачи американских активов японскому капиталу, то правительство США сыграло свою роль в создании политических барьеров. Оно приветствовало японские деньги для финансирования своего дефицита и государственного долга и запуска новых производ-

ственных мощностей, создававших рабочие места в Соединенных Штатах и сокращавших американский дефицит платежного баланса. Но оно всеми силами препятствовало тому, чтобы эти деньги поступали на прибыльные, но стратегически важные предприятия. Так, в марте 1987 года протесты министра обороны Каспара Вейнбергера и министра торговли Малкольма Болдриджа убедили *Fujitsu*, что разумнее отказаться от попыток завладеть *Fairchild Semiconductor Corporation*. Тем не менее, как заметил Стивен Краснер (Krasner 1988: 29), «*Fairchild* владела французская компания *Schlumberger*, поэтому дело было не просто в иностранном собственнике».

То, что неспособны были остановить культурные и политические барьеры, останавливали барьеры на вход, встроенные в саму структуру американского корпоративного капитализма. Сложности американской корпоративной жизни оказались более непреодолимыми барьерами на вход для японских денег, чем культурная враждебность и политическое недоверие. Крупнейшие из когда-либо совершавшихся японских поглощений в Соединенных Штатах – поглощение *Sony* в 1989 году *Columbia Pictures* и поглощение *Matsushita* в том же году МСА – оказались неудачными. Когда была заключена сделка с *Sony*, со стороны средств массовой информации последовала необычайно резкая реакция, а на обложке *Newsweek* даже говорилось о японском «вторжении» в Голливуд. И все же, как писал в своей полемической статье в *New York Times* Билл Эммот (26 November 1993: A19),

менее двух лет прошло, прежде чем стало ясно, что опасность была преувеличена. Никакого японского «вторжения» в американский бизнес не было. Даже лучшие японские компании совершали впечатляющие и дорогостоящие ошибки и не контролировали даже те предприятия, которые они покупали, не говоря уже о культуре и технологиях (См. также: Emmot 1993).

Короче говоря, действительной аномалией американо-японских отношений во время нынешней финансовой экспансии стал не приток японского капитала в Соединенные Штаты в начале 1980-х годов, а скорее незначительная выгода, которую этот японский капитал извлек из экономической помощи Соединенным Штатам во время финальной эскалации «холодной войны» с бывшим СССР. Служит ли такая аномалия симптомом фундаментального изменения механизмов межгосударственного соперничества за мобильный капитал, которое подстегивало и поддерживало экспансию капиталистической власти на протяжении последних шести столетий?

Эти механизмы имеют четкий внутренний предел. Капиталистическая власть в мировой системе не может расширяться бесконечно, не подрывая межгосударственного соперничества за мобильный капитал, на котором и покоится такая экспансия. Рано или поздно будет достигнута точка, когда союзы между властью государства и капитала, созданные в ответ на такое соперничество, станут настолько огромными, что они устранят само соперничество и, следовательно, возможность для появления новых капиталистических сил более высокого порядка. Не служат ли трудности, с которыми столкнулись структуры японского капитализма при извлечении выгоды от межгосударственного соперничества за мобильный капитал, свидетельством того, что эта точка уже достигнута или вот-вот будет достигнута? Или, иначе говоря, не стали ли структуры американского капитализма окончательным пределом шестисотлетних процессов, посредством которых капиталистическая власть достигла своих нынешних и кажущихся всеобъемлющими масштаба и охвата?

В поиске убедительных ответов на эти вопросы к взаимодополняющим идеям Вебера и Маркса о роли крупных финансовых операций в современную эпоху необходимо прибавить представление Адама Смита о процессе формирования мирового рынка. Как и после него Маркс, Смит считал европейское «открытие» Америки и пути в Ост-Индию через мыс Доброй

Надежды важнейшим поворотным моментом в мировой истории. Тем не менее в отличие от Маркса он выражал куда меньший оптимизм относительно окончательной пользы этих открытий для человечества.

Их последствия уже велики; но за небольшой промежуток времени, два – три века, прошедшие после этих открытий, невозможно оценить всю значительность этих последствий. Какую пользу или вред человечеству принесут в будущем такие открытия, не способен предвидеть ни один человеческий ум. Соединяя отдаленные части света, позволяя им утолять желания друг друга, увеличивать удовлетворенность друг друга и содействовать росту промышленности друг друга, в целом развитие кажется полезным. Однако для коренных жителей Ост– и Вест-Индии коммерческая польза, которую можно получить из этих открытий, оказалась намного меньше вреда, который был им причинен. Но этот вред, по-видимому, был вызван случайностью, а не самой природой этих открытий. В то время, когда были сделаны эти открытия, *превосходство в силе* на стороне европейцев оказалось настолько значительным, что они смогли чинить всевозможные несправедливости в этих отдаленных странах. Возможно, в будущем коренные жители этих стран окрепнут, жители Европы ослабнут, а обитатели всех остальных уголков мира сумеют достичь с ними равенства в храбрости и силе, которое, внушая взаимный страх, одно только и позволяет преодолеть несправедливость независимых народов и прийти к некому уважению прав друг друга. Но ничто не кажется более подходящим для установления этого равенства сил, чем взаимный обмен знаниями и всевозможными изобретениями, которые широкая торговля всех стран друг с другом естественным или даже необходимым образом приносит с собой (Smith 1961: II, 141; выделено мной.—Д. А.).

Процесс, описанный в этом отрывке, обнаруживает поразительное сходство с представлением Броделя о формировании капиталистического мира-экономики: везение победившего Запада и невезение проигравшего не-Запада как общий результат единого исторического процесса; продолжительный временной горизонт, необходимый для описания и оценки последствий этого единого исторического процесса, и – что важнее всего для наших нынешних задач – центральное значение «силы» при распределении выгоды и издержек между участниками рыночной экономики.

Смит, конечно, не использовал термин «капитализм» – термин, введенный в словарь социальных наук только в XX веке. Тем не менее его утверждение о том, что «превосходство в силе» было наиболее важным фактором, позволившим победившему Западу присвоить большую часть выгод – и переложить на побежденный не-Запад большую часть издержек – от установления более широкой рыночной экономики в результате так называемых Великих географических открытий, соответствует идее Броделя о том, что сращивание государства и капитала было жизненно важной составляющей при появлении особого капиталистического слоя над слоем рыночной экономики (и в противопоставление ему). Как мы увидим в третьей главе, в смитовской схеме крупная прибыль может поддерживаться на протяжении длительного времени только при помощи ограничительных практик, подкрепляемых государственной властью, которая ограничивает и нарушает «естественное» действие рыночной экономики. В этой схеме, как и у Броделя, верхний слой торговцев и производителей, который «пускает в дело обычно крупные капиталы и благодаря своему богатству пользуется в обществе очень большим уважением и влиянием» (Смит 1992: 391), на самом деле является «антирыночным», *contre-marche*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.